ДБ
300
Ф-27
Фатеев, А.Н
Сперанский
М.М.
Харьков, 1910

Дб
300
Ф-27

ОТЪ АВТОРА.

Ар. Н. ФАТѢЕВЪ.

М. М. СПЕРАНСКІЙ.

(1809—1909)

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

„Исторія Сперанскаго есть
для насъ тайна, публика ничего
не знаетъ".

(Изъ переписки Карамзина).

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Печатное Дѣло" Клочковская, № 5.
1910.

ОБ
300
27

ОТЪ АВТОРА.

Ар. Н. ФАТѢЕВЪ.

М. М. СПЕРАНСКІЙ.

(1809—1909)

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

„Исторія Сперанскаго есть
для насъ тайна, публика ничего
не знаетъ“.

(Изъ переписки Карамзина).

2499

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Печатное Дѣло“ Клочковская, № 5
1910.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
657323 V ш

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. Сперанскій до сближенія съ Александромъ I.	1—10
II. Сперанскій реформаторъ	13—26
III. Сперанскій—въ ссылкѣ.	29—50
VI. Сперанскій губернаторъ и генералъ-губернаторъ.	53—62
V. Сперанскій кодификаторъ законовъ. . . .	65—73
VI. Заключеніе.	77—80

I.

Сперанскій до сближенія съ Александромъ I.

М. М. СПЕРАНСКІЙ [1])

1809 — 1909.

I.

Сперанскій до сближенія съ Александромъ I.

На рѣкѣ Тунгарѣ, впадающей въ Воршу, расположено теперь старинное село Черкутино, Владимир. губ. Сто тридцать семь лѣтъ назадъ оно было незначительной деревушкой, а когда-то вотчиной рода бояръ Салтыко-

---

[1]) *Изучая дѣятельность Сперанскаго и перечитывая матеріалы, касающіеся этого великаго человѣка, сначала не для біографической цѣли, авторъ познакомился и съ капитальнымъ трудомъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа: „Жизнь графа Сперанскаго“. Даже небольшая часть громаднаго количества матеріаловъ о Сперанскомъ, которую сперва изучилъ составитель настоящаго очерка, не соотвѣтствовала впечатлѣнію, производимому характеристикой личности русскаго реформатора и освѣщеніемъ значенія его дѣятельности М. А. Корфомъ. Очеркъ С. Ю. Южанова о Сперанскомъ (въ біографической библіотекѣ Павленкова) намъ казался болѣе объективнымъ въ своихъ сужденіяхъ. Послѣ выхода этого очерка, въ которомъ, по цензурнымъ условіямъ, имѣются нѣкоторые пропуски, увидѣли свѣтъ не вошедшіе въ трудъ Корфа его матеріалы, опубликованные родственникомъ академика А. Ѳ. Бычкова. (А. Ѳ. Бычковъ и К. Г. Рѣпинскій, по просьбѣ Корфа, читали корректурные листы печатной книги и дѣлали исправленія. Съ А. Ѳ. Бычковымъ Корфъ совѣтовался по поводу новыхъ фактовъ, документовъ, свѣдѣній о Сперанскомъ). Въ сообщеніи И. А. Бычкова (Нѣсколько данныхъ къ исторіи книги барона М. А. Корфа „Жизнь графа Сперанскаго“) находимъ интересныя объясненія. „Не знаю, какая участь ожидаетъ мою книгу и со стороны*

выхъ, изъ котораго происходила царица Анна Ивановна[1]). 1 генваря 1772 г., въ семьѣ бѣднаго, черкутинскаго священника, родился четвертый сынъ, впослѣдствіи, по фамиліи, данной въ семинаріи, отъ латинскаго слова sperans [2]), графъ М. М. Сперанскій.

Мало дошло до насъ свѣдѣній объ отроческихъ годахъ будущаго реформатора. То же, что дошло и

ея читателей (пишетъ Корфъ къ Бычкову А. Ѳ. въ срединѣ сентября 1861 г.) и со стороны критики, особенно при нынѣшнемъ ея направленіи и тонѣ; точно также недоумѣваю и о томъ, что ожидаетъ автора, сколько онъ ни старался оградить себя всевозможными гарантіями; но по крайней мѣрѣ въ собственныхъ (на книгѣ стояло: „*напечатано съ высочайшаго соизволенія*") *моихъ глазахъ, написавъ и издавъ эту книгу, я прожилъ на свѣтѣ не совсѣмъ безполезно и, думаю, совершилъ вмѣстѣ и подвигъ гражданскаго мужества, ибо легко себѣ представить, какъ возопіютъ камарилла и длинный ея хвостъ. „Каменіемъ побіютъ", какъ говаривалъ Сперанскій. А передовая партія все таки тоже будетъ недовольна за умолчанія и за выставку на показъ императора Николая... (Корфъ писалъ потомъ о книжкѣ Герцена, касавшейся его книги, изданной въ Лондонѣ: „14-го декабря 1825 г. и императоръ Николай", какъ о клеветническомъ памфлетѣ).*

Черезъ два года, ознакомившись съ отзывами о книгѣ, Корфъ сдѣлалъ серьезныя признанія тому же корреспонденту: вступать въ полемику съ невѣжествомъ или злонамѣренностью у меня не было никакой охоты, „но одинъ упрекъ, на которомъ эти передовые органы нашей періодической прессы съ особеннымъ злорадствомъ настаивали, именно о разныхъ умолчаніяхъ въ „Жизни графа Сперанскаго", я охотно на себя принимаю, въ увѣренности, что никакой разсудительный человѣкъ не вмѣнитъ мнѣ ихъ въ вину. Дѣйствительно, могъ ли я, въ общественномъ моемъ положеніи и въ моей истинной, и не гоняющейся за модными эффектами любви къ Россіи, проводить и воскрешать передъ ея глазами—именно въ настоящую минуту, когда вся наша атмосфера наполнена несбыточными конституціонными мечтами-утопическіе планы, которыми тѣшились въ

[1]) Россія, т. I, стр. 294, изд. Девріена.

[2]) Отъ слова Sperare—надѣяться. См. «Русское Обозрѣніе» 1830 г. № 8. Записки Рунича.

собрано біографомъ Сперанскаго Корфомъ [1]), даетъ основаніе полагать, что мальчикъ рѣзко выдѣлялся изъ сверстниковъ и братьевъ, какъ неизмѣримо выдѣлился изъ нихъ и впослѣдствіи.

Одинъ изъ знакомыхъ Сперанскаго, сравнивая его съ братомъ Козьмой, говорилъ: «изъ одного дерева и икона и лопата».

этомъ кругъ идей, полвѣка тому назадъ, Александръ и Сперанскій? Могъ ли я, не нарушивъ всякаго уваженія къ чувствамъ, къ приличію и къ самому простому такту, въ книгѣ, вышедшей подъ эгидою родного племянника и пріемника на престолъ, незатѣненно обличать характеръ и дѣйствія дяди и предшественника въ томъ печальномъ свѣтѣ, какой бросали на нихъ, для меня, мои изысканія. Могъ ли высказывать что-нибудь болѣе того, что напечатано въ книгѣ о причинахъ и подробностяхъ катастрофы Сперанскаго, когда все прочее точно также, хотя, въ прибавку, еще гораздо менѣе достовѣрно, набрасываетъ самую мрачную тѣнь на память Александра, или же представляется, очевидно, однимъ сплетеніемъ досужихъ выдумокъ, коммеражей, прикрасъ и явной лжи, пригодной, можетъ быть, для историческаго романа, но уже не отнюдь не для правдивой, строгой исторіи?". (*Русская старина. Январь 1902 г. 145—146, 172—173*).

Нѣкоторыя изъ умолчаній М. А. Корфа нашлись затѣмъ въ его бумагахъ, хотя и безъ нихъ нельзя не быть ему благодарнымъ за трудъ, на который онъ потратилъ болѣе 15 лѣтъ.

Надобно много лѣтъ, чтобы ознакомиться съ громаднымъ матеріаломъ, касающимся жизни и дѣятельности Сперанскаго, вѣкъ тому назадъ сочинившаго планъ русской конституціи, одобренный императоромъ.

Ознакомленіе съ главными и вновь опубликованными данными изъ эпохи Сперанскаго можетъ поднять лишь край таинственнаго прошлаго надъ великой фигурой русскаго реформатора. Возсоздать контуры этой фигуры простыми и краткими чертами, составляетъ задачу этого юбилейнаго очерка, представлявшаго общедоступное публичное чтеніе, по просьбѣ одного изъ мѣстныхъ просвѣтительныхъ обществъ.

[1]) Жизнь графа Сперанскаго, Барона Корфа. Спб. 1861 г.

Мальчикъ былъ слабъ, болѣзненъ, тихъ. Рано далась ему грамота. Она замѣнила ему участіе въ забавахъ сверстниковъ, которыя не привлекали его. Чаще всего, забившись въ уголъ, онъ читалъ случайно попадавшіяся книги. На 8-омъ году отдали его въ ученіе. Усидчивость и огромная пытливость ребенка удивляли товарищей, какъ удивляли ихъ и другія особенности его личности. Такъ, напр., онъ никогда не участвовалъ въ дѣлежкахъ добычи послѣ поздравленій семинаристами богатыхъ владимірскихъ гражданъ, по большимъ праздникамъ. Останавливало вниманіе товарищей и то, что Сперанскій весь загорался при интересномъ разговорѣ и, увлекаясь, увлекалъ другихъ, когда принималъ въ немъ участіе, яркостью и красотой своей рѣчи. Особенно привлекательны были ясность и доброта души мальчика. Онъ охотно помогалъ своимъ знаніемъ товарищамъ, услужливо бѣгалъ въ мелочную лавочку для дальней своей родственницы, у которой жилъ на квартирѣ. Про нее не разъ онъ вспоминалъ, будучи на верху почестей, говоря: «не та только мать, которая родила меня, но и та, которая воспитала». Онъ учился хорошо лишь у тѣхъ учителей и по тѣмъ предметамъ, которые не требовали зубренья. Особенно любилъ онъ математику и философію. [1]).

По окончаніи курса Владимирской семинаріи, его послали въ Александроневскую, замѣнявшую тогда

---

[1]) Любовь къ этимъ наукамъ сохранилась и позднѣе. См. отрывки изъ мыслей въ сборникѣ: «Въ память Сперанскаго». Изд. Императорской публичной библіотеки. «Положительныя истины только въ математикѣ», говорилъ онъ. Впослѣдствіи и въ политическихъ построеніяхъ онъ являлся скорѣе реалистомъ, относясь съ недовѣріемъ къ «метафизическому понятію о справедливости судной».

академію. Здѣсь пришлось пережить рядъ тяжелыхъ испытаній. Обстановка ученія и жизни была неприглядная. Учителя поклонялись Бахусу, семинаристы предавались кутежамъ и картежной игрѣ. И столь ужъ сильно вліяніе среды, что, одно время, увлекся было картами и Сперанскій.

Проповѣднический талантъ [1]) скоро выдвинулъ Сперанскаго изъ толпы товарищей. Скромность его жизни, выдающіяся знанія, не могли не обратить вниманія духовнаго начальства, которое усиленно склоняло его къ монашеству. Даровитаго юношу назначили сначала профессоромъ математики, физики, краснорѣчія, а потомъ префектомъ Александроневской семинаріи, курсъ которой онъ только что кончилъ. Іерархи мечтали увидѣть въ немъ великаго пастыря русской церкви.

Но не церкви, воспитавшей Сперанскаго, пришлось пожать плоды его талантовъ и ума, а государству и то лишь отчасти.

Не безъ долгихъ колебаній онъ рѣшился на уходъ изъ духовной среды, когда екатерининскій вельможа кн. Куракинъ предложилъ ему, сначала, мѣсто секретаря, а, затѣмъ, правителя дѣлъ своей канцеляріи.

Другъ Сперанскаго Словцовъ,—въ шутливомъ посланіи, совѣтовалъ ему:

Полно, другъ, съ фортуною считаться
И казать ей философскій взоръ.
Время съ разсужденіемъ разстаться,
Если счастіе катитъ во дворъ.
. . . . . .
Правильно ты вѣсилъ свѣта муку,
Тяжесть золотыхъ его цѣпей,

---

[1]) Нѣкоторыя изъ его проповѣдей чрезвычайно интересны своими свѣтскими и даже политическими сюжетами.

Но ты взвѣсилъ ли монаховъ скуку,
Счелъ ли, сколько грузу въ ней?..

Наконецъ, жребій брошенъ. Рясу замѣнило платье англійскаго покроя, скрывавшее лучше, чѣмъ модное французское, неуклюжія манеры учителя семинаріи, [1]) поступившаго теперь на службу подъ начальство генералъ-прокурора кн. Куракина.

То было время неожиданныхъ перемѣнъ. Сегодняшній сановникъ просыпался завтра при звукахъ колокольчика фельдъегерской тройки, на которой его и отправляли въ ссылку. Фавориты и сановники мѣнялись часто. Почти каждый годъ мѣнялись и генералъ-прокуроры. За Куракинымъ слѣдовалъ князь Лопухинъ, заступившійся за Сперанскаго передъ Павломъ I, которому Сперанскій не понравился; потомъ Беклешовъ, извѣстный развѣ тѣмъ, что слово таможня производилъ отъ многозначительныхъ для чиновника хлѣбнаго мѣста словъ «тамъ можно». За Беклешовымъ Обольяниновъ, котораго самъ императоръ Павелъ предупреждалъ противъ Сперанскаго. Однако способности Сперанскаго, его образованіе и неутомимая дѣятельность были столь очевидны своими небывалыми достоинствами, среди тогдашняго забитаго чиновничества, что онъ сдѣлался незамѣнимымъ и не только оставался на службѣ, но и повышался въ чинахъ.

Около этого времени, въ жизни Сперанскаго, случилось событіе, обнаруживающее для насъ нѣкоторыя черты его характера.

Однажды лѣтомъ, на дачѣ, въ Павловскѣ, Сперанскій посѣтилъ духовника великихъ князей Самборскаго. За ужиномъ онъ познакомился съ дочерью англичанки Стивенсъ, гувернантки князей Шувало-

---

[1]) Воспоминанія Рунича. Русск. старина 1901 г.

выхъ. Красота ея поразила Сперанскаго. Англо-саксонскій типъ лица, съ тонкими, правильными чертами, волны бѣлокурыхъ волосъ, добрый задумчивый взоръ, стройная, суховатая фигура, какія нерѣдко встрѣчаются у англичанокъ, такова была дѣвушка, съ которой не на долго соединилъ свою судьбу Сперанскій. Черезъ нѣсколько недѣль онъ—счастливѣйшій мужъ, чрезъ десять мѣсяцевъ—отецъ дочери, черезъ одиннадцать мѣсяцевъ—безутѣшный вдовецъ. Намѣреваясь покончить съ собой, онъ исчезъ изъ дому тотчасъ послѣ смерти жены и не присутствовалъ даже на похоронахъ. Только мысль: «жить для дочери» остановила его рѣшеніе. Онъ былъ изъ числа тѣхъ мужчинъ, которыхъ мать Тургенева мѣтко назвала «однолюбами». Сперанскій, впослѣдствіи, могъ выбрать себѣ невѣсту изъ первыхъ, аристократическихъ фамилій, но не хотѣлъ дать дочери мачеху даже въ видѣ сестры покойной жены, Маріанны, красивой дѣвушки, добивавшейся этого и причинившей ему много горя.

Послѣ кончины жены, Сперанскій всецѣло отдался воспитанію дочери и службѣ. Но при Павлѣ служба была полна такихъ положеній, въ которыхъ, выражаясь словами Тацита, говорить опасно, а молчать грозитъ бѣдой. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Послѣдовалъ, однажды, приказъ: въ двѣ недѣли сочинить проэктъ торговаго устава. Во исполненіе приказа, немедля, да и гдѣ же тутъ было медлить, захватили съ петербургской биржи 40 купцовъ, заперли ихъ вмѣстѣ съ Сперанскимъ въ отдаленныхъ покояхъ гатчинскаго дворца и предложили законодательствовать.

Многіе изъ купцовъ даже не понимали чего собственно хотятъ отъ нихъ. Поговоривъ съ болѣе толковыми изъ невольныхъ законодателей, Сперанскій взялъ перо и сочинилъ уставъ. Купцовъ выпустили.

Послѣ тяжелаго, хотя и кратковременнаго царствованія императора Павла наступила новая эра. При всеобщемъ ликованіи взошелъ на престолъ юноша Александръ. Воспитанникъ Лагарпа, проникнутый идеями, наводнившими Европу изъ Франціи, любимый внукъ державной бабки, вложившей въ воспитаніе его все тогдашнее искусство педагогики, —молодой императоръ мечталъ о коренныхъ государственныхъ реформахъ, горѣлъ нетерпѣніемъ скорѣе провести ихъ въ жизнь съ помощью личныхъ друзей, [1]) такъ называемаго тріумвирата; съ ними онъ составилъ для этой цѣли «комитетъ общественнаго спасенія» [2]).

Важнѣйшими дѣлами сначала завѣдывалъ при Александрѣ I екатерининскій вскормленникъ Д. П. Трощинскій, у котораго служилъ Сперанскій. Вскорѣ затѣмъ, когда Трощинскій оставилъ службу, другъ государя Кочубей, назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ, замѣтилъ выдающагося чиновника и перевелъ его къ себѣ.

Переводъ на службу къ Кочубею имѣлъ важное значеніе для государственной карьеры Сперанскаго. Кочубей дѣлалъ личные доклады Александру, а Сперанскій подготовлялъ ихъ.

---

[1]) Новосильцевъ, Чарторижскій и Кочубей. Затѣмъ къ нимъ присоединился Строгановъ.

[2]) Выраженіе Александра I.

II.

Сперанскій—реформаторъ.

II.

Сперанскій—реформаторъ.

Въ 1806 г. Кочубей сталъ прихварывать и, вмѣсто себя, для докладовъ государю посылалъ Сперанскаго.

Обаятельная личность молодого статсъ-секретаря, его замѣчательный даръ слова, навыкъ въ дѣлахъ управленія, широкое образованіе заставили Александра внимательнѣе познакомиться со своимъ помощникомъ. Лучшаго сотрудника для задуманныхъ реформъ найти было трудно. Онъ доказалъ это запиской 1803 г., объ устройствѣ судебныхъ и правительственныхъ учрежденій въ Россіи. Говоря о реформахъ суда и управленія, Сперанскій уже здѣсь проводитъ мысль о связи этихъ реформъ съ конституціей, т. е. государственнымъ закономъ. Въ черновой рукописи этой записки имѣется абрисъ государственнаго закона: 1) всѣ состоянія государства, бывъ свободны, участвуютъ въ извѣстной мѣрѣ во власти законодательной; 2) власть исполнительная вся принадлежитъ одному лицу, участвующему и утверждающему всякое законодательное дѣйствіе; 3) есть общее мнѣніе, оберегающее законъ въ исполненіи его; 4) есть независимое сословіе народа, коему исполнители отвѣтствуютъ; 5) существуетъ система законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, принятая народомъ; 6) судъ не лицомъ государя отправляется, но избранными отъ народа и имъ утвержденными исполнителями, кои сами суду подвержены быть могутъ; 7) всѣ дѣянія управленія публичны, исключая нѣкотораго числа случаевъ

опредѣленныхъ; 8) существуетъ свобода тисненія въ извѣстныхъ, съ точностью опредѣленныхъ границахъ. Мы нарочно привели эти зачеркнутыя замѣтки. Онѣ помогаютъ опредѣлить зародыши политическихъ воззрѣній, облекшихся затѣмъ черезъ шесть лѣтъ въ болѣе полную и конкретную форму, когда Александръ приблизилъ къ себѣ Сперанскаго. Бывшій префектъ семинаріи не только становится у кормила правленія, но посвящается въ наброски плановъ, сохранявшихся пока въ глубокой тайнѣ. Послѣ Эрфурскаго свиданія Александра съ Наполеономъ, Сперанскій дѣлается почти распорядителемъ судебъ величайшей имперіи, многомогущимъ!—какъ выразился В. Н. Каразинъ, въ письмѣ къ своему бывшему другу (т. е. Сперанскому).

Одна и та же мысль сближаетъ этихъ людей, недавно стоявшихъ такъ далеко другъ отъ друга: дать Россіи конституціонное устройство. Можно сказать, что потенціальная энергія Александра этой эпохи превращается у Сперанскаго въ кинетическую.

Сперанскій превосходно понималъ неустройство русскаго государственнаго механизма и видѣлъ лицомъ къ лицу его двигателя, т. е. чиновничество. Испытавши рядъ превращеній изъ приказныхъ строкъ, «вершившихъ дѣла вопче», оно ползло теперь какъ по лѣстницѣ, по петровской табели о рангахъ, цѣпляясь, карабкаясь и сталкивая другъ друга. Полуобразованное на высшихъ должностяхъ, невѣжественное на среднихъ и въ добавокъ грубое на нисшихъ, оно приводило въ отчаяніе Сперанскаго, по необходимости прошедшаго черезъ всѣ эти слои.

За три года до настоящаго момента, въ только что упомянутой запискѣ, онъ спрашивалъ:

«Можетъ быть, *въ одной Россіи судьи творятся одною волей и приказаніемъ правительства*, и человѣкъ,

едва по слуху знающій о законѣ, о правѣ, объ обязанности, вдругъ, по слову власти, становится органомъ закона и рѣшителемъ всѣхъ споровъ о правѣ и обязанности. Какая система законовъ можетъ устоять противъ таковыхъ исполнителей?».

Реформа въ Россіи не могла быть проведена безъ посредства чиновничества. Общества и общественнаго мнѣнія, на которое можно было бы опереться въ преобразованіяхъ, еще не сформировалось [1]). Сперанскій задумалъ поднять образовательный цензъ государственныхъ слугъ.

Обыкновенно, въ профессіональной или сословной средѣ, примѣнившейся къ средствамъ достиженія своихъ интересовъ, при старомъ порядкѣ, поворотъ къ новому вызываетъ тѣмъ большее негодованіе и протестъ, чѣмъ удобнѣе и покладистѣе старый порядокъ защищалъ пріобрѣтенныя права и средства ихъ достиженія.

Чиновничество состояло изъ разночинцевъ и дворянъ. Первые пробивались горбомъ, вторые родовитостью. Получить высокій чинъ можно было для дворянъ по службѣ, или чрезъ придворное званіе камергера и камеръюнкера. Обязанность этихъ лицъ, съ придворнымъ званіемъ, обыкновенно состояла только въ присутствіи на балахъ, за что Александръ называлъ ихъ «полотерами» [2]). «Сперанскій же подсмѣивался надъ номинальными, неосуществленными должностью

---

[1]) Въ своихъ трудахъ Сперанскій упоминаетъ, впрочемъ, объ обществѣ, его мнѣніи, о зрѣлости для воспріятія реформъ, главнымъ образомъ, о его недовольствѣ правительствомъ. Но послѣдовавшія событія показали, что это общество ничѣмъ не поддержало Сперанскаго.

[2]) Дубровинъ. Русская жизнь въ началѣ 19 ст., Русск. старина 1901.

титулами, точно также, какъ и намъ *пѣшими* кавалерами [1]).

Противъ обѣихъ категорій чиновничества Сперанскій издаетъ указы. Однимъ предписывается: чиновныхъ бездѣльниковъ лишать придворныхъ званій, если они, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, не подыщутъ себѣ дѣйствительной службы. Другимъ повелѣвается: чиновникамъ, для чина коллежскаго совѣтника держать экзаменъ при одномъ изъ университетовъ. Поднялся страшный вопль. За одни эти указы Сперанскаго обвиняли ни болѣе, ни менѣе какъ въ нагломъ стремленіи къ революціи...

Въ Петербургѣ ходила по рукамъ такая молитва, обращенная къ императору Александру, по поводу указовъ Сперанскаго.

Государь! Мы сынове Россіи зовемъ къ тебѣ
... *Отче нашъ,*
Милосердъ, любезенъ ты намъ и кротокъ
... *и еси*
Во всѣ времена Россіи какъ бы
... *на небесѣхъ,*
Въ теперешнее время царствованія твоего
... *да святится имя твое;*
На насъ титулярныхъ и коллежскихъ совѣтниковъ
... *да пріидетъ царствіе твое.*
А съ тѣми, кои по открытіи университетовъ не могли учиться,
... *да будетъ воля твоя.*
Тогда мы прославимъ съ благовѣніемъ имя Твое
... *яко на небеси*
Станемъ прославлять оное
... *и на земли;*

---

[1]) Письма Б. Корфа къ А. Ѳ. Бычкову, Р. Ст. 151 стр. 1902 г.

Рвеніемъ и трудами мы у тебя изыскиваемъ
... хлѣбъ нашъ насущный.
Престарѣвъ мы на службѣ, ожидаемъ чиновъ, коихъ
... даждь намъ днесь.
А почему мы не учились и что не умѣемъ въ томъ
намъ прости
... и остави намъ долги наши,
Вѣдь прежде просты были наши предки не много
они учились и не все знали
... яко же и мы
Отъ недоумѣнія нашего просты будучи
... оставляемъ
И за симъ не токмо
... должникомъ нашимъ,
Молитва заканчивалась:
Въ учебные классы... *не введи насъ*
И не поручая насъ профессорамъ...
... во искушеніе,
Отъ университетскаго ректора
... избави насъ отъ лукаваго [1]).

Въ письмахъ къ П. Г. Масальскому (Дружескія письма графа М. Сперанскаго къ П. Г. М—ому. Изд. 1862 г.) Сперанскій разсказываетъ о маскарадѣ, на которомъ обратила на себя всеобщее вниманіе публики фигура въ каррикатурномъ старинnаго образца чиновничьемъ мундирѣ съ надписью на спинѣ:

№ 1.200.301. Вѣчнаго цеха. Титулярный совѣтникъ.

Но были пасквили злостнаго и ругательнаго характера.

Впослѣдствіи, въ своемъ «Дневникѣ», Сперанскій имѣлъ основаніе говорить про это время: «Confusion,

---

[1]) Программа испытанія состояла: въ слѣд.: 1) *Науки словесныя*, грамматическое познаніе россійскаго языка и правильное на

ПУБЛИЧНАЯ

intrigues, commérages. En s'occupant des choses, on neglige les hommes».

А раньше, въ отчетѣ Александру, писалъ: на всѣхъ путяхъ встрѣчаюсь и съ страстями, и съ самолюбіемъ, и съ завистью, а еще болѣе съ неразумѣніемъ [1]).

Среди многообразныхъ протестовъ, доносившихся съ улицы, въ стѣны скромнаго кабинета, Сперанскій подготовляетъ грандіозный планъ реформы русскаго государственнаго строя, обнимавшей собою всѣ части управленія съ верху до низу.

Въ 1808 году Александръ I-ый, «призвавъ къ себѣ М. Сперанскаго и объявивъ ему, что желаетъ даровать Россіи конституцію, показалъ ему предложенія Н. Новосильцева и князя Чарторыйскаго» [2]). Ни эти предло-

---

номъ сочиненіе. Познаніе по крайней мѣрѣ одного языка иностраннаго и удобность перелагать съ онаго на россійскій.

II. *Правовѣдѣніе. Основательное познаніе права естественнаго, права Россійскаго и права гражданскаго, съ приложеніемъ сего послѣдняго къ россійскому законодательству.* Свѣдѣнія въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ частяхъ права общаго, какъ-то: экономіи государственной и законовъ уголовныхъ.

III. *Науки историческія.* Основательное познаніе отечественной исторіи. Исторія всеобщая, древняя и новая съ частями къ ней принадлежащими, какъ-то: съ географіею и хронологіею.

Сюда же принадлежатъ первоначальныя основанія статистики, особенно Россійскаго государства.

IV. *Науки математическія и физическія.* Знаніе, по крайней мѣрѣ, начальныхъ основаній математики, какъ-то: ариѳметики и геометріи и общія свѣдѣнія въ главныхъ частяхъ физики.

Какъ видитъ читатель, программа была довольно обширна. Поэтому памфлетисты, недаромъ, писали, (разсказываетъ Дубровинъ. Русская жизнь въ началѣ 19 столѣтія), что «Сперанскій науками вдругъ дворянъ всѣхъ задавилъ».

[1]) Всепод. отчетъ 1810. Сбор. Импер. русск. истор. общества.

[2]) Дубровинъ. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. (1901 г. Октябрь. Рус. Ст.) стр. 6.

женія, ни «кадры конституціи» Розенкамфа, составленные взамѣнъ предложеній, ни оказали Сперанскому большой помощи [1]). Онъ взглянулъ на дѣло несравненно глубже, серьезнѣе. Слѣдуя своему положительному методу, онъ разсмотрѣлъ исторически [2]) тенденцію, въ русскомъ государствѣ, къ ограниченію самодержавной власти, подвергнулъ анализу современную ему дѣйствительность и нашелъ въ ней большую перемѣну. Народное уваженіе къ власти пошатнулось. Сама власть, въ качествѣ физической функціи, хотя и осталась еще въ прежнемъ положеніи, но моральная ея функція, безъ сомнѣнія, ослабѣла. Государственное хозяйство разстроилось. И какъ возстановить его тамъ, гдѣ нѣтъ общаго довѣрія, гдѣ нѣтъ публичнаго установленія, порядокъ финансовъ охраняющаго?—спрашиваетъ составитель конституціи. Вообще, замѣчаетъ онъ, неудовольствіе есть также тревожный показатель. Безпокойствіе народное объясняется «совершеннымъ измѣненіемъ мыслей, глухимъ, но сильнымъ желаніемъ другого вещей порядка». Настало время основать новый порядокъ вещей. Онъ долженъ заключаться не въ частичныхъ исправленіяхъ [3]), а въ корренномъ преобразованіи, въ выработкѣ общаго плана, охватывающаго всѣ части управленія, законодательства, суда.

---

[1]) Пусть сличатъ, писалъ онъ Александру изъ Перми безобразныя компиляціи, представленныя мнѣ отъ коммиссіи, т. е отъ г-на Розенкамфа, и если найдутъ во 100 §§ 2 §§, коими бы я воспользовался, я уступлю имъ всю честь сего произведенія. Вотъ образецъ отношенія С. къ трудамъ Р—а. См. ниже. Стр. 34.

[2]) У Сперанскаго есть также примѣненіе и историко-сравнительнаго метода.

[3]) См. Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ (1809 г.). Отдѣленіе второе. О разумѣ государственнаго уложенія.

Планъ по стройности, постепенности [1]) по широтѣ замысла ставилъ Сперанскаго на высоту великаго государственнаго человѣка.

Своей реформой онъ хотѣлъ поднять общественную самодѣятельность и инициативу органовъ мѣстнаго управленія, дабы они не отягощали центральнаго правительства своими просьбами, жалобами и нуждами, а сами изыскивали и обсуждали небходимыя мѣры и затѣмъ представляли ихъ въ законодательномъ порядкѣ на утвержденіе высшимъ инстанціямъ черезъ свои собственные законодательные органы. Въ руки органовъ мѣстнаго управленія наряду съ законодательной отдавалась необходимая доля власти судебной и административной. Кромѣ того, Сперанскій въ своемъ планѣ ставилъ министровъ въ зависимость отъ Сената. Начатый въ 1808 г. этотъ планъ [2]), былъ одобренъ Императоромъ въ 1809 г.

Мысль Сперанскаго представлялась политически мудрой въ томъ отношеніи, что призывала русскаго человѣка къ самодѣятельности и самоуправленію.

Въ этомъ отношеніи русскій реформаторъ превосходитъ французскихъ теоретиковъ и приближается

---

[1]) Ее Сперанскій постоянно имѣлъ въ виду: очистите часть административную, пишетъ Сперанскій Столыпину уже послѣ своего паденія,—мечтая еще о довершеніи начатаго,—потомъ введете установительные законы (подъ ними С. разумѣлъ „конституціонные“, т. е. свободу политическую) и затѣмъ постепенно приступите къ вопросу о свободѣ гражданской.

[2]) По сравненію съ проэктомъ конституціи Сперанскаго, набросокъ плана конституціи Н. С. Мордвинова, пересланный І. Бентаму, есть лишь школьное упражненіе. На планѣ рукой Бентама написано, что оригиналъ оставленъ авторомъ въ Петербургѣ для представленія Александру I. (Р. С. 1901. 4—6).

Н. С. Мордвиновъ былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента экономіи при открытіи государственнаго совѣта.

скорѣе къ англійскимъ. Изъ англійскихъ юристовъ Сперанскій превосходно изучилъ «Traités de legislation» Іереміи Бентама. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя ссылки на трактатъ. Изъ французскихъ переводовъ и источниковъ [1]) онъ познакомился съ доктриной естественнаго права, мало оказавшей на него практическаго вліянія. Не рабски слѣдовалъ онъ и Монтескье, въ его теоріи раздѣленія властей. Записка 1803 г. находится подъ большимъ вліяніемъ французскаго законодательства [2]). Ссылка въ ней на прусское уложеніе сдѣлана на французскомъ языкѣ. Розенкамфъ, работавшій съ Сперанскимъ въ коммиссіи по составленію законовъ, какъ бывшій ея первый референдарій секретарь, утверждалъ, что Сперанскій не зналъ нѣмецкаго языка [3]).

Въ планѣ же 1809 г. Сперанскій значительно освободился отъ французскаго вліянія, пользуясь французскимъ законодательствомъ не какъ рабскій подра-

---

[1]) Еще въ академіи (Александроневской семинаріи) Сперанскій, благодаря одному изъ профессоровъ, страстному поклоннику французской просвѣтительной литературы 18 столѣтія, основательно познакомился съ нею. Ученіе Локка ему было хорошо извѣстно, какъ и сенсуализмъ Кондалльяка.

[2]) Полицейское право.

[3]) Розенкамфъ говоритъ это по слѣд. поводу: въ 1805 г. въ коммиссіи составленія законовъ, по его совѣту, были приглашены юристы изъ за границы съ вознагражденіемъ по 400 руб. въ годъ: Геклингъ, Піатоли, Эрхартъ, Кирхейзенъ, Клейнъ, Гуго-Шлецеръ, Тибо, Фейербахъ (Павелъ—Ансельмъ). По предложенію Сперанскаго, вознагражденія рѣшили имъ не платить, потому что отъ нихъ не было никакой пользы коммиссіи и ничего они для коммиссіи не дѣлаютъ. Одинъ Фейербахъ получилъ, при содѣйствіи графа Брея, знаки ордена св. Анны, но слѣдуемое ему вознагражденіе не было уплачено, какъ и остальнымъ. Розенкамфъ объяснялъ это предложеніе С. тѣмъ, что тотъ не зналъ и не цѣнилъ нѣмецкихъ юристовъ. С. изучилъ нѣмецкій яз. въ Сибири.

жатель, въ чемъ напрасно упрекали его современники, особенно изъ недруговъ [1]).

Планъ преобразованій 1809 г. состоялъ въ томъ, чтобы привлечь населеніе (на основаніи имущественнаго ценза) къ участію въ исполнительной, законодательной и судебной власти посредствомъ системы четырехстепенныхъ выборовъ.

Въ каждомъ волостномъ городѣ или въ главномъ волостномъ селеніи, каждые три года, изъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности составляется собраніе подъ названіемъ волостной думы. Казенныя селенія отъ каждаго пятисотнаго участка высылаютъ въ Думу одного старшину. Она избираетъ предсѣдателя и секретаря. Въ волостной думѣ всѣ голоса равны. Никто голоса передать не можетъ.

Предметы волостной думы суть: 1) выборъ членовъ волостного правленія, 2) отчетъ въ сборахъ и употребленіи суммъ, 3) выборъ депутатовъ въ окружную думу, 4) дума составляетъ списокъ 20 отличныхъ гражданъ [2]), 5) представляетъ окружной думѣ объ общественныхъ волостныхъ нуждахъ.

---

[1]) Къ характеристикѣ теоретическихъ юридическихъ воззрѣній Сперанскаго.

Розенкамфъ (источникъ, впрочемъ, не особенно надежный) разсказываетъ, что Сперанскій утверждалъ однажды: законодатель долженъ совершенно отречься отъ понятія о собственности и что можно совсѣмъ обойтись безъ этого понятія потому, что одно государство—единственный собственникъ, въ настоящемъ значеніи этого слова; всѣмъ же прочимъ предоставляется право пользованія на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Право частной собственности быть можетъ являлось полезнымъ въ прошлыя отдаленныя времена, но при современномъ положеніи цивилизаціи можно обойтись и безъ этого права.

[2]) Изъ которыхъ назначается предсѣдатель волостнаго суда.

Изъ депутатовъ волостныхъ думъ каждые три года въ окружномъ городѣ составляется собраніе, подъ именемъ окружной думы[1]), изъ депутатовъ окружныхъ думъ каждые три года составляется губернская дума, изъ ея депутатовъ составляется *законодательное сословіе* подъ именемъ *государственной думы.*

Государственная дума собирается по коренному закону и безъ всякаго созыва ежегодно въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Срокъ ея дѣйствія опредѣляется количествомъ дѣлъ, ей предлагаемыхъ. Дѣйствіе государственной думы пресѣкается двоякимъ образомъ: 1) отсрочкой его до будущаго года; 2) совершеннымъ всѣхъ членовъ увольненіемъ. Думѣ не принадлежитъ законодательная инціатива, но безъ ея уваженія ни одинъ законъ не можетъ поступить на утвержденіе и получить силу [2]).

---

[1]) Мы не перечисляемъ компетенцію окружной и губернской думъ. Съ нѣкоторыми измѣненіями она та же, что и въ думѣ волостной.

[2]) Схема плана преобразованій Сперанскаго такова:

Державная Власть Государя Императора.

Государственный совѣтъ.

Управленіе.	**Законодательство.**	**Судъ.**
Министерство въ соединеніи съ правительствующимъ сенатомъ.	Государственная дума.	Судебный сенатъ.
Управленіе губернское.	Дума губернская.	Судъ губернскій.
Управленіе окружное.	Дума окружная.	Судъ окружный.
Управленіе волостное.	Дума волостная.	Судъ волостной.

Основная философско-правовая идея, которую можно, какъ намъ думается, распознать въ политическихъ разсужденіяхъ и проэктахъ Сперанскаго та, что государственная власть должна быть распредѣлена въ учрежденіяхъ, по системѣ инстанцій, приближающихся къ народу, или, лучше сказать, исходящихъ изъ самыхъ нѣдръ его. Только тогда раціональныя основанія законовъ ясны для гражданъ и въ нихъ воспитывается воля къ исполненію законовъ, только тогда государственныя установленія связаны будутъ единствомъ коренного закона, устанавливающаго такую систему.

Нетрудно видѣть, что эта идея создалась у Сперанскаго и вслѣдствіе внимательнаго изученія русской дѣйствительности. Здѣсь была власть безмѣрная, стоявшая особнякомъ, терявшая свою «моральную силу», оторванная отъ народа, почти каждое распоряженіе которой, непонятое народомъ, возбуждало недовольство; власть, заслонившаяся отъ народа цѣлымъ рядомъ экрановъ, въ видѣ государственныхъ чиновниковъ всѣхъ ранговъ, въ видѣ помѣщичьяго произвола надъ многомилліоннымъ крестьянствомъ. Эти посредствующіе органы дѣйствовали какъ бы отраженной властью. И поэтому, когда заговорили о конституціи, то недовольство противъ Сперанскаго явилось прежде всего среди командующихъ классовъ и дворянъ [1]). Одинъ изъ современ-

[1]) Къ числу постоянныхъ мѣръ, предложенныхъ затѣмъ Сперанскимъ къ ограниченію крѣпостного права, были: 1) сдѣлать ихъ крѣпкими владѣльцу по землѣ, а не по лицу; прекратить личную продажу ихъ въ видѣ собственности или движимаго имущества; уничтожать то унизительное понятіе, какое внутри и внѣ Россіи имѣютъ о рабствѣ крестьянъ; 2) состояніе дворовыхъ людей само собою и не чувствительно прекратится; часть ихъ обратится въ крестьянство, другая отпущена будетъ на волю, съ одной стороны по удобству, какое вновь къ сему открывается,

никовъ писалъ, что правящее сословіе не хочетъ ограниченія верховной власти, потому что оно само желаетъ властвовать безгранично.

Въ Россіи не только не было никакого единства въ управленіи, напротивъ, замѣчалась перепутанная сѣть властей. Пересѣкающіяся полномочія ихъ вносили большую путанницу и еще большую волокиту въ дѣлопроизводство, отчего страдало населеніе. Наконецъ, не было, какъ увидимъ ниже, печатныхъ сборниковъ законовъ даже обыкновенныхъ. О коренномъ же законѣ—были лишь туманныя мечты Александра и искреннія мечты Сперанскаго, мечтами и оставшіяся.

Реформа началась съ высшихъ учрежденій: государственнаго совѣта и министерствъ, должна была итти дальше, но этимъ и закончилась по обстоятельствамъ, которыя выяснятся ниже.

Главная мысль реформы государственнаго совѣта состоитъ въ томъ, чтобы изъ него было создано учрежденіе, представлявшее собою, по преувеличенному выраженію Сперанскаго [1]), *„безмѣрный шагъ отъ самовластія къ истиннымъ формамъ монархическимъ“*. И этотъ шагъ, по мнѣнію Сперанскаго, нужно было прежде всего сдѣлать. Ибо, вопрошалъ онъ въ запискѣ, поданной государю: „къ чему гражданскіе законы, когда скрижали ихъ каждый день могутъ быть разбиты о первый

а съ другой по затрудненіямъ въ продажѣ *и по тройной подати*, которую послѣ ревизіи на нихъ опредѣлить предполагается (о крѣпостныхъ людяхъ).

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ о дѣлахъ 1810 года. Государственный совѣтъ, какъ средоточіе всѣхъ, законодательныхъ, судебныхъ и административныхъ дѣлъ, по нашему мнѣнію, и былъ самымъ слабымъ мѣстомъ конституціоннаго плана Сперанскаго. Современники изъ правыхъ говорили, что государственный совѣтъ учрежденъ для ограниченія монархической власти. Дубровинъ.

камень самовластія". Совѣтъ учрежденъ, чтобы власти законодательной, дотолѣ разсѣянной и разнообразной, дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоянства, твердости и единообразія [1]). Это было, по предположенію реформатора, только первое очертаніе, которое должно быть восполнено введеніемъ законодательныхъ инстанцій.

Въ преобразованіе министерствъ положены начала, долженствующія правильно опредѣлить компетенцію министерствъ. Создать однообразную и цѣлесообразную ихъ организацію и, главное, установить *отвѣтственность министровъ и ихъ* взаимоотношеніе съ другими центральными и подчиненными, мѣстными учрежденіями.

Онъ пытался устранить путемъ реформы Сената тотъ возроставшій недостатокъ, который совершенно справедливо усмотрѣлъ императорскій исторіографъ Карамзинъ. Комитетъ министровъ, когда реформа не осуществилась, сдѣлался всемогущимъ. Карамзинъ писалъ: *„Министры стали между государемъ и народомъ и выходило, что, Россіей управляли министры, т. е. каждый по своей части могъ разрушать и творить"*. Надо отмѣтить лишь, что ставя это въ вину Сперанскому, не понялъ Карамзинъ, того, что реформа Сперанскаго осталась «полуустройствомъ», какъ назвалъ ее авторъ, возвратясь изъ ссылки.

Въ цитированномъ уже всеподданнѣйшемъ отчетѣ 1810 г., Сперанскій докладывалъ государю о необходимости продолжать реформы, говоря, что, если онѣ осуществятся, — вѣкъ Александра I будетъ названъ «благословеннымъ».

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ Сперанскаго за 1810 г.

III.

Сперанскій—въ ссылкѣ.

III.

Сперанскій—въ ссылкѣ.

Императоръ, повидимому, сочуствовалъ и пока поддерживалъ намѣренія государственнаго секретаря.

Снизу, съ людского моря и толпы «подъячихъ», какъ выразился Сперанскій, въ отчетѣ государю, и такъ называемаго общества, слышались раскаты приближавшейся бури недовольства противъ «перваго министра», какимъ фактически являлся въ это время сподвижникъ Александра.

Надѣясь на поддержку государя, онъ шелъ къ намѣченной цѣли, полный благородства и снисхожденія къ врагамъ, про которыхъ только и позволялъ себѣ говорить: «какіе чудаки».

Враги понимали кажущуюся силу этой поддержки и рѣшили достигнуть своей цѣли. Дворянство и чиновничество ненавидѣли Сперанскаго за указы о чинахъ, вельможи называли его «то иллюминатомъ, то якобинцемъ, то безроднымъ поповичемъ—выскочкой, вызывающимъ зависть», временщикомъ, который, усугублялъ вину свою тѣмъ, что не искалъ предъ ними, а, напротивъ, былъ недоступенъ уже благодаря одной своей часто 18 часовой работѣ въ сутки. Дружбу ихъ Сперанскій считалъ бы для себя, по его словамъ, еще болѣе бы тягостной, чѣмъ разномысліе.

Стали распускать въ народѣ слухъ, что правительство, т. е. Сперанскій, намѣрено ввести тяжкіе налоги для предполагающихся реформъ. Образовалась

партія, выставившая своимъ девизомъ: «требуемъ болѣе мудрости хранительной нежели творческой» [1]). Карамзинъ (какъ указывалъ еще славянофильскій журналъ «Время», въ статьѣ подъ заглавіемъ «Карамзинъ»), владѣя огромными умственными силами, не сумѣлъ понять великаго движенія позапрошлаго столѣтія и не подалъ руки прогрессивному движенію русской государственной жизни, во главѣ котораго стоялъ Сперанскій. Государю мнѣніе охранительной партіи сдѣла-

[1]) Записка Карамзина, поданная государю: «О древней и новой Россіи», въ соч. А. Н. Пыпина. Общественное движеніе въ Россіи при А. I. см. также Русскій архивъ 1870 г. Въ опубликованныхъ въ послѣднее время матеріалахъ, относительно реформаторской эпохи Сперанскаго, находимъ указаніе, что именно за эту записку, которая была направлена противъ Сперанскаго и его плановъ, одобренныхъ Александромъ I, императоръ наградилъ автора орденомъ св. Анны 1-ой степени.

Были однако люди, кромѣ Карамзина, не отличавшіеся либерализмомъ, однако превосходно понявшіе недостатокъ «полуустройства», «введенія плана съ чердака», «преддверія зданія, о которомъ нѣтъ рѣчи». Напр., Д. П. Трощинскій. («О неудобствахъ, происходящихъ отъ государственнаго управленія въ формѣ единоличной». Сборникъ Импер. Русск. историч. общества). «Частный человѣкъ въ отношеніяхъ своихъ къ правительству не иначе можетъ быть притѣсняемъ, какъ посредствомъ мѣстнаго управленія, поэтому то устройство именно мѣстнаго управленія заслуживаетъ величайшаго вниманія... Въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ частные люди обладаютъ средствами чинить сопротивленіе злоупотребленіямъ чиновниковъ, большого труда стоитъ удержаться худому мѣстному управленію».

Но люди, сочувствовавшіе Сперанскому, не поддерживали и, пожалуй, не могли поддержать его. Нѣкоторые же, подобно Вигелю (записки), говорили: Сперанскому хотѣлось республики, въ томъ нѣтъ сомнѣнія..... Но чего же хотѣлось Александру?... Ему хотѣлось турецкаго правленія, гдѣ одинъ только оттоманскій родъ пользуется послѣдственными правами и гдѣ сынъ верховнаго визиря родится простымъ туркомъ и наравнѣ съ поселяниномъ платитъ подать»...

лось извѣстнымъ чрезъ записку Карамзина, автора упомянутаго девиза объ охранительной мудрости. Но согласиться съ нимъ, значило видимо отказаться отъ всѣхъ грёзъ юности, осудить на безплодіе творческіе замыслы и мечты о томъ, какъ поведетъ императоръ громадный народъ къ свободѣ и счастью, о чемъ постоянно говорилось. И это тогда, когда мечты нашли своего геніальнаго истолкователя. То, что у Александра было только грёзами, Сперанскій облекъ въ политическія формы, впрочемъ лишь малою частью, въ отрѣзанномъ и потому уродливомъ видѣ, проникшія въ жизнь.

Совершивъ свой первый подвигъ, представивъ свой планъ въ 1809 г. и получивъ его одобреніе, Сперанскій думалъ, что «россійская конституція одолжена будетъ бытіемъ своимъ не воспаленію страстей и крайности обстоятельствъ, но благодѣльному вдохновенію верховной власти, которая, устроивъ политическое бытіе своего народа, можетъ и имѣетъ всѣ способы дать ему самыя правильныя формы».

Однако вдохновеніе видимо изсякало. Его хватило на теоретическое одобреніе плана Сперанскаго, но тѣмъ дѣло и кончилось. Идея самодержавія, которой въ душѣ былъ преданъ Александръ I, возобладала надъ конституціей. А этимъ предрѣшалась и участь ея творца, который естественно горѣлъ нетерпѣніемъ и потому, весьма вѣроятно, съ горечью, говорилъ о медлительности, колебаніяхъ, нерѣшительности ея вдохновителя. Сперанскій, какъ бы желая успокоить многочисленныхъ представителей «охранительной мудрости», чувствовалъ это, когда писалъ въ своемъ Планѣ всеобщаго государственнаго образованія (объ общемъ разумѣ преобразованія): «*первое состоитъ въ томъ, чтобы облечь правленіе самодержавное всѣми, такъ сказать, внѣшними формами закона, оставивъ въ существѣ его ту же силу*

и то же пространство самодержавія». Кто бы могъ предполагать, что мысль, заключенная въ этихъ строкахъ, черезъ 100 лѣтъ получитъ особое значеніе для Россіи.

Враги понимали и нерѣшительность, и колебанія, подозрительный и не прямой характеръ императора [1]). Они располагали нанести ударъ Сперанскому и его дѣлу медленно, но вѣрный. Враги обратились къ помощи дворской интриги, на встрѣчу которой охотно пошелъ государь, тѣмъ болѣе, что интрига давала удобную для историческаго момента интерпретацію никогда не совершеннаго Сперанскимъ преступленія.

Враги Сперанскаго воспользовались нашествіемъ на Россію Наполеона, якобы преданностью Сперанскаго всему французскому и самому геніальному полководцу.

Дѣятели интриги подготовляли почву для императора (питавшаго, въ это время, личную ненависть къ Наполеону, послѣ оскорбленія имъ герцога Ольденбургскаго, родственника Александра) противъ Сперан-

[1]) Среди единогласныхъ, въ этомъ отношеніи, отзывовъ о характерѣ Александра, особенно примѣчательна характеристика Наполеона, уже бывшаго на островѣ Елены: «Alexandre a de l'esprit, de la grâce, de l'instruction; mais on doit s'en défier: il est sans franchise; c'est un vrai grec du bas empire. Toutefois il n'est pas sans ideologie, réeele ou jouée. Croirat-on jamais ce que jai lu à debatre avec lui: il me soutenait que l'hèredité etait un abus dans la souveraineté, et j'ai du passer plus d'une heure et user mon éloquence et ma logique et lui prouver, que cette hèrédite dité était le repos et le bonheur des peuples. Peutêtre aussi mystistifiait-ie, car il est fin, faux, adroit. (Александръ I и его приближенные до эпохи Сперанскаго. Неизданная глава изъ жизни графа Сперанскаго» барона М. А. Корфа. Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова. 1903 г. P. Ст. I). О Сперанскомъ Наполеонъ сказалъ: «la Seule têlê fraiche en Russie».

Вотъ еще отзывъ шведскаго государственнаго совѣтника и посла въ Парижѣ Габріелке: «Въ политикѣ своей русскій монархъ былъ тонокъ, какъ кончикъ булавки, остеръ, какъ бритва и фальшивъ, какъ пѣна морская».

скаго, такъ сказать, рыли яму, и ждали случая, чтобы помочь столкнуть въ нее временщика.

За успѣхъ дѣла ручался составъ лицъ, искушенныхъ въ тайныхъ козняхъ, ихъ дружная работа, а также нелюбовь къ Сперанскому императрицы Маріи Ѳеодоровны и вел. кн. Екатерины Павловны.

Въ этой галлереѣ участниковъ печальной драмы, говоритъ Корфъ (въ неизданной главѣ, найденной родственникомъ академика Бычкова, въ бумагахъ послѣдняго) [1]),—были и прямые дѣятели и лица, дѣйствовавшія общимъ вліяніемъ, служившія орудіями, даже невольными пружинами.

Здѣсь Растопчинъ, главный дѣятель низверженія Сперанскаго. Роль его главнымъ образомъ заключается въ собираніи и составленіи сплетенъ о Сперанскомъ въ Москвѣ и въ перенесеніи ихъ въ Петербургъ. Онъ пустилъ слухъ и поддерживалъ его о ненависти Москвы къ реформатору. Съ его именемъ связываются доносы и подлинныя письма о заговорѣ Сперанскаго противъ самодержавія [2]).

Здѣсь министръ полиціи Балашовъ, завистникъ Сперанскаго. По характеру подъячій, взяточникъ, карьеристъ, лжецъ, клеветникъ. Лавры Сперанскаго не давали ему спать.

Здѣсь и шведъ Армфельдъ съ біографіей авантюриста, честолюбецъ, стремившійся какъ и Балашовъ къ власти.

Здѣсь и французскіе эмигранты, бѣжавшіе изъ Франціи послѣ революціи, ненавистники Наполеона, которымъ якобы очарованъ Сперанскій.

---

[1]) Русская старина. Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова 1902. Мартъ. 470 стр. и др.

[2]) Есть свѣдѣнія, что Растопчинъ готовилъ Сперанскому участь Верещагина.

Здѣсь и нѣмецкій гелейртеръ Розенкамфъ, [1]) имѣвшій счеты съ Сперанскимъ по составленію законопроэктовъ, которые Сперанскій нещадно маралъ. Впослѣдствіи, въ своихъ мемуарахъ, [2]) Розенкамфъ склоненъ былъ обвинять Сперанскаго въ томъ, что Сперанскій, назначенный директоромъ коммиссіи составленія законовъ, будетъ приписывать себѣ лично сдѣланное Розенкамфомъ; но что Сперанскій правильно оцѣнивалъ труды Розенкамфа, подтверждается мнѣніемъ Іереміи Бентама о Розенкамфѣ, несравненно болѣе рѣзкимъ, чѣмъ мнѣніе Сперанскаго [3]).

Среди всѣхъ этихъ лицъ такъ или иначе, но болѣе по личнымъ счетамъ рывшихъ яму Сперанскому, выдается г. де-Сангленъ съ слѣдующей характеристикой, написанной имъ самимъ:

«Меня не любятъ, потому что я въ нѣкоторомъ родѣ оригиналъ, страстный поклонникъ всего благороднаго и святого; мечтатель о прекрасныхъ поступкахъ,

---

[1]) Тотъ самый Розенкамфъ, которому сначала было поручено составить проектъ конституціи. Но онъ, ссылаясь на отсутствіе матеріаловъ, представилъ лишь кадръ конституціи, не имѣвшій никакого значенія.

Розенкамфъ, получившій впослѣдствіи титулъ барона, удалился на покой и занялся юридико-филологическими трудами. Изъ нихъ хранится въ императорской публичной библіотекѣ: 1) Sur les basilicues—краткое обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ; 2) Materialien und voratbeitungen zur geschichlichen Darsteleung des russischen Kirchenrecht—матеріалы и предварительныя работы къ историческому изложенію русскаго церковнаго права и др.

Хотя Корфъ и заноситъ Розенкамфа въ число главныхъ виновниковъ паденія Сперанскаго, однако онъ, по отдаленности отъ императора Александра I, едвали могъ принимать непосредственное участіе.

[2]) Хранящихся въ императорской публичной библіотекѣ.

[3]) Письма Н. С. Мордвинова къ І. Бентаму. 202 стр. 1901 г.

защитникъ угнетенныхъ; потому что я понимаю безкорыстіе, всѣ безумные порывы великодушія; потому что я сочувствую всѣмъ, кто борется и страдаетъ за то, что считаетъ истиной и что онъ любитъ; потому что я имѣю смѣлость отворачиваться отъ тѣхъ, кого презираю; потому что у меня горделивая страсть говорить всегда правду, ибо, я думаю, никто не стоитъ притворства лжи; потому что я неисправимый, систематическій простякъ. Я предпочитаю потеряться и ошибиться въ рискованномъ добромъ дѣлѣ, чѣмъ не довѣрять по сухому осторожному расчету. Наконецъ, верхъ моей глупости—вѣрить простодушію другихъ, вѣрить, что счастье находится не внѣ меня, но во мнѣ самомъ».

Къ этой авто-характеристикѣ, съ своей стороны, мы можемъ прибавить, что по профессіи де-Сангленъ былъ агентомъ тайной полиціи, дѣлавшимъ доносы на своего непосредственнаго начальника, непосредственно же трудившійся и для гибели Сперанскаго. Александръ I принималъ его въ заднихъ комнатахъ внутреннихъ покоевъ дворца съ докладами по дѣлу Сперанскаго, какъ говоритъ самъ де-Сангленъ въ своихъ мемуарахъ. Будучи уже 85 лѣтнимъ старикомъ, спустя 13 лѣтъ, послѣ разспросовъ его барономъ Корфомъ, по поводу паденія Сперанскаго, онъ неожиданно прислалъ ему письмо. «Старикъ, пишетъ де-Сангленъ, котораго смерть ежеминутно настигнуть можетъ и который остался единымъ живымъ свидѣтелемъ того происшествія (т. е. паденія Сперанскаго), не станетъ осквернять ни языка, ни пера своего неправдой или местью [1])... Затѣмъ онъ сообщаетъ, что въ дѣлѣ противъ Сперанскаго главныхъ дѣятелей было пять лицъ, стоявшихъ на высшихъ ступеняхъ го-

---

[1]) Ссылка Сперанскаго въ 1812 г. (изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова). Русск. старина 1902 4—6. стр. 26 и слѣд.

сударственной службы: графъ Марковъ, графъ Растопчинъ, графъ Армфельдъ, Балашовъ и chevalier de Vernègues, тайный посланникъ короля Людовика XVIII. У нихъ было три ассистента: графъ Н. А. Толстой, графъ Гурьевъ, князь П. М. Волконскій,—тоже въ немаловажныхъ чинахъ. А секретарь [1]) былъ одинъ, даже безъ переписчика. Въ его рукахъ были всѣхъ пятерыхъ письма, доносы, проэкты и отзывы, по которымъ никакого формальнаго изслѣдованія не было, а все состояло въ докладахъ, по большей части изустныхъ, высшему лицу [2]).

Интрига, веденная противъ Сперанскаго, окутана темнотой, ложью, продажностью, злобой, до такой степени, что добиться конкретныхъ причинъ гибели Сперанскаго трудно. «Донынѣ, говоритъ Корфъ, еще никто не дошелъ до истиннаго слова загадки, можетъ статься отъ того, что доискивались происшествій и фактовъ, тайны событій тамъ, гдѣ была тайна личностей, мѣра характеровъ» [3])....

Во главѣ стоялъ, конечно, характеръ самаго Александра, подозрительный, самолюбивый и щепетильный до личныхъ отзывовъ. Мы сказали, интрига создавала у Александра почву для гибели «перваго министра», но рѣшиться на ссылку человѣка самого приближеннаго можно лишь на основаніи хоть какихъ нибудь, хотя бы созданныхъ врагами уликъ.

Мы знаемъ много разсказовъ, дошедшихъ отъ современниковъ, о причинахъ паденія Сперанскаго. Вотъ, напр., то, что передаетъ профессоръ Никитенко, вращавшійся среди лицъ, которыя могли сохранить слухи объ этомъ событіи, ходившіе въ обществѣ.

---

[1]) Т. е. самъ де-Сангленъ.

[2]) Т. е. императору Александру ib.

[3]) ib.

«Въ началѣ 1812 или въ концѣ 1811 года, когда намѣренія Наполеона насчетъ Россіи дѣлались болѣе и болѣе очевидными, у насъ начали помышлять о средствахъ обороны. Былъ, между прочимъ, представленъ, кажется Барклаемъ-де-Толли, планъ нашихъ будущихъ дѣйствій, который, разумѣется, надлежало хранить въ глубокой тайнѣ. Сперанскій былъ тогда всесиленъ. Государь ничего не предпринималъ безъ его совѣта и этотъ планъ отдалъ ему на разсмотрѣніе. Сперанскій привезъ его домой, положилъ у себя на столъ въ кабинетѣ, а самъ снова отлучился изъ дома. Въ отсутствіе его пріѣхалъ Магницкій. Ему сказали, что Сперанскій скоро вернется и онъ рѣшился его дождаться въ кабинетѣ, куда имѣлъ всегда свободный доступъ. Онъ увидѣлъ на столѣ тетрадь и, такъ какъ совѣстливость не была въ числѣ добродѣтелей Магницкаго, онъ прочелъ эту тетрадь и такимъ образомъ узналъ великую государственную тайну. Дня черезъ два государю сдѣлалось извѣстно, что французскій посланникъ говорилъ о планѣ русскаго правительства какъ о дѣлѣ, о которомъ зналъ все до мельчайшихъ подробностей. Понятно, какое впечатлѣніе произвело это на государя. О планѣ никому не было извѣстно, кромѣ него, автора плана и Сперанскаго. Государь, естественно, могъ счесть Сперанскаго предателемъ, вдвойнѣ измѣнникомъ и отечеству, и дружбѣ, и онъ сильно на него вознегодовалъ. Этимъ объясняются въ письмѣ къ Парроту слова Александра, что Сперанскій достоинъ смертной казни» [1]).

[1]) Дневникъ академика Никитенко. Мы приводимъ этотъ разсказъ лишь какъ болѣе поздній образецъ тѣхъ весьма многихъ предположеній, которыя циркулировали въ обществѣ, которыя, по словамъ Сперанскаго, отражали въ себѣ: «confusion, intriges, commerages». Приводимъ еще и потому, что у Корфа нѣтъ этого подробнаго разсказа о Магницкомъ, также сосланномъ въ одно время съ своимъ патрономъ.

Апрѣль 3. Среда. Провелъ въ бесѣдѣ болѣе двухъ часовъ у моего бывшаго стараго наставника Шнейдера Василія Васильевича. Параличъ отнялъ у него ноги, но не коснулся головы, которая совершенно свѣжа. Память его въ полной силѣ. Онъ разсказывалъ мнѣ разныя интересныя вещи изъ исторіи прошлаго времени. Онъ былъ въ тѣсныхъ связяхъ съ разными значительными лицами, особенно со Сперанскимъ, и многое знаетъ изъ секретнаго хода событій. Вотъ между прочимъ, что онъ мнѣ разсказалъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ паденіе Сперанскаго. Извѣстно, что князь А. И. Чернышевъ, впослѣдствіи военный министръ, въ 1811 году былъ посланъ императоромъ Александромъ I въ Парижъ съ секретнымъ порученіемъ. Чернышевъ былъ тогда во цвѣтѣ лѣтъ и красоты и отличался любезностью и ловкостью въ обращеніи. Въ Парижѣ онъ очень сблизился съ главнымъ директоромъ военнаго министерства Наполеона, а еще больше съ его женою. Однажды вечеромъ директоръ былъ позванъ къ императору въ Сенъ-Клу, гдѣ и провелъ всю ночь. Чернышевъ занялъ его мѣсто у жены и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы наполнить свой портфель бумагами изъ директорскаго кабинета. Вѣроятно, это уже было у него подготовлено заранѣе. На другой день, рано утромъ, Чернышевъ уже скакалъ къ границамъ Франціи и, прежде чѣмъ пропажа бумагъ была замѣчена, онъ уже былъ за предѣлами ея. Похищенныя бумаги оказались весьма важными: тутъ были планы похода въ Россію, чертежи, расположеніе войскъ и проч. и въ томъ числѣ также и шифрованныя бумаги. Все это было доставлено императору Александру. Государь обо всемъ сообщилъ Сперанскому и, такъ какъ ни тотъ, ни другой не могли прочесть шифрованныхъ бумагъ, то положено было призвать нѣкоего Бека, славившагося умѣньемъ

разбирать всевозможные шифры. Все, что заключалось въ этихъ бумагахъ, разумѣется, составляло государственную тайну, которая была извѣстна только государю, Сперанскому и Беку. Случилось какъ-то, что Магницкій, состоявшій въ дружбѣ со Сперанскимъ, пріѣхалъ къ нему въ то время, когда тотъ занимался въ своемъ кабинетѣ, съумѣлъ подсмотрѣть содержаніе секретныхъ бумагъ и затѣмъ изъ хвастовства разгласилъ это между членами дипломатическаго корпуса. Это дошло до государя, который, разумѣется, долженъ былъ подумать, что Сперанскій выдалъ государственную тайну—и вотъ причина его паденія и объясненіе словъ государя, обращенныхъ къ Парроту: «Сперанскій сдѣлалъ то, за что его *слѣдовало бы разстрѣлять*» [1]).

Разсказываютъ, что, впослѣдствіи, Александръ I-й на вопросъ о Сперанскомъ со стороны одного изъ самыхъ приближенныхъ лицъ, Новосильцева: «Государь, неужели вы вѣрите, что онъ измѣнникъ?», отвѣтилъ: «ни въ какомъ случаѣ; на самомъ дѣлѣ онъ провинился только передо мною лично, провинился тѣмъ, что за мое довѣріе и дружбу онъ заплатилъ мнѣ самой черной, самой отвратительной неблагодарностью».

---

[1]) Jb. Въ оправдательномъ письмѣ Сперанскаго къ государю, писанномъ изъ Перми, находимъ слѣдующія мѣста, повидимому, относящіяся къ выше разсказаннымъ эпизодамъ. «Между тѣмъ однако же, пишетъ Сперанскій, сіе жестокое предубѣжденіе о связяхъ моихъ съ Франціею было поддержано эпохою моего удаленія, составляетъ теперь самое важное и, могу сказать, единственное пятно моего въ народѣ обвиненія».

Въ этомъ же письмѣ упоминается о Бекѣ, который просилъ Сперанскаго доставить ему аудіенцію у Александра I для личнаго доклада о перлюстраціи. Сперанскій исполнилъ просьбу.

Объ отношеніяхъ Александра I къ Парроту извѣстно, что дерптскій профессоръ состоялъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ и перепискѣ, касавшейся иногда самыхъ интимныхъ сторонъ личной жизни императора.

Очевидно, придворныя сплетни и доносы, которыхъ не чуждался императоръ, не только скопились и поступали со всѣхъ сторонъ, но нѣкоторые изъ нихъ попали въ самое больное мѣсто характера императора, окруженнаго лестью и поклоненіемъ.

Въ дѣлѣ Сперанскаго императоръ болѣе чѣмъ когда нибудь сталъ человѣкомъ чуткимъ до личныхъ обидъ, передаваемыхъ даже по слухамъ. Разсказываютъ, что по совѣту Балашова, Армфельдъ началъ именно съ передачи государю, въ тонѣ крайняго негодованія, слышанныхъ отъ довѣрчиваго Сперанскаго, при разговорахъ съ нимъ, неосторожныхъ отзывовъ о томъ, что на государя нельзя было полагаться, что онъ измѣнчивъ, непостояненъ и пр. [1]).

Еще недавно, при открытіи государственнаго совѣта, Александръ I съ чувствомъ произнесъ рѣчь, составленную Сперанскимъ и исправленную императоромъ, въ которой говорилъ: «Я всегда желалъ, чтобы благосостояніе Имперіи утверждалось на законѣ»... Правда, въ моментъ ссылки Сперанскаго, онъ высказывалъ, что, при другихъ обстоятельствахъ, онъ посвятилъ бы годъ и два разслѣдованію дѣла о государственномъ секретарѣ, но теперь онъ удаляетъ своего сотрудника безъ законнаго суда.

Враговъ у Сперанскаго и при дворѣ, какъ мы это видѣли, было, дѣйствительно, много. На этой почвѣ легко было вѣрить тому, чему хочется вѣрить. Тѣмъ болѣе, говоритъ хорошо знающій дворцовую жизнь,—«при дворѣ какъ на морѣ: ни вѣрятъ ни во что и вмѣстѣ вѣрятъ немножко всему» [2]).

---

[1]) Дѣятели и участники въ паденіи Сперанскаго. Неизданная глава изъ „жизни графа Сперанскаго“ барона М. А. Корфа. Р. Ст. 1902 г. Мартъ, стр. 492.

[2]) Корфъ. Русская старина. 1902 г., мартъ.

По всей вѣроятности, отзывы Сперанскаго относились, въ дѣйствительности, болѣе къ Александру—правителю, чѣмъ Александру—человѣку. Вѣроятно Сперанскій высказывалъ ихъ въ связи съ замедленіями реформъ. Враги же государственнаго секретаря старались возбудить противъ него у императора также и личное недоброжелательное чувство донесеніями отзывовъ Сперанскаго, дѣлаемыхъ будто бы о личности царя.

«Обращаюсь еще разъ къ личнымъ отзывамъ. Отъ чего, спросятъ, доходилили отъ разныхъ лицъ однѣ вѣсти?—спрашиваетъ Сперанскій, въ письмѣ, писанномъ изъ Перми къ императору, привезенномъ въ Петербургъ дочерью. И отвѣчаетъ: «отъ того, что сіи разныя лица составляли одно тѣло, *и душа сего тѣла былъ тотъ самый, кто всему казался и теперь кажется постороннимъ* [1]).

Въ томъ же письмѣ говорится о слѣдующихъ причинахъ паденія: «министры смотрѣли на министерства, какъ на пожалованную деревню. Тотъ, кто прикасался къ сей собственности, былъ явный иллюминатъ и предатель, и это былъ я. Мнѣ одному противъ 8 сильныхъ подлежало вести сію тяжбу».

Въ послѣдній часъ свиданія предъ ссылкой къ нему были предъявлены государемъ три обвиненія. Вотъ изложеніе самого Сперанскаго:

1) онъ старался разстроить государство финансовыми дѣлами,

2) налогами возбудить ненависть народа къ правительству [2]),

---

[1]) Шильдеръ (Императоръ Александръ I) полагаетъ, что NB, поставленное карандашомъ противъ этого мѣста, принадлежитъ рукѣ Александра I.

[2]) Дубровинъ (Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка, стр. 450. Р. С. 1901. 7—8) говоритъ, что благодаря крейсерству Англіи

3) дѣлалъ оскорбительные отзывы о правительствѣ.

Въ бумагахъ акад. Бычкова сохранилась запись разсказа о послѣднемъ свиданіи Сперанскаго съ Александромъ (со словъ Ѳ. П. Лубяновскаго будто бы въ передачѣ самого Сперанскаго). „Въ самыхъ раздраженныхъ выраженіяхъ, въ тонѣ грознаго судьи передъ обличеннымъ преступникомъ, съ такими подробностями, которыя едвали могъ бы уловить и стенографъ..... Александръ сталъ обвинять его главнѣйше въ томъ, 1) что, стоя у кормила правленія, онъ, при всѣхъ случаяхъ, худо о немъ отзывается и даже въ секретарской комнатѣ не разъ громко говорилъ о предстоящемъ будто бы паденіи имперіи; 2) что онъ стремился разстроить ее финансовыми своими мѣрами и посредствомъ усиленныхъ налоговъ возбудить ненависть противъ правительства; 3) что онъ жертвуетъ благомъ государства изъ привязанности своей къ французской системѣ; 4) что, не довольствуясь общимъ преобразованіемъ всего государственнаго строя, въ которое вовлекалъ государя своими софизмами, онъ замышлялъ

запрещеніе ввоза и вывоза товаровъ тяжело отражалось на внутренней жизни Россіи. Народъ ропталъ на увеличеніе повинностей, купечество банкротилось вслѣдствіе совершеннаго прекращенія торговли, упадка курса и дурного состоянія финансовъ. Къ 1810 году серебряный рубль былъ доведенъ до 4 рублей.

«Я вамъ скажу, писалъ Чичаговъ графу С. Р. Воронцову (архивъ князя Воронцова т. XIX, стр. 168), что однимъ взмахомъ пера насъ обѣднили на двѣ трети; мука въ Петербургѣ отъ 18 р. до 25 рублей, дрова отъ 12 р. до 15 р.; сукно отъ 35 р. до 50 руб. аршинъ.

Государственный Совѣтъ началъ свою дѣятельность установленіемъ новыхъ податей. Манифестомъ 2-го февр. 1810 г. каждая ревизская душа облагалась 50 коп. Карамзинъ въ запискѣ «О древней и новой Россіи» писалъ, критикуя эту мѣру: «Умножать государственные доходы новыми налогами есть способъ весьма ненадежный и только временный».

уничтожить даже и послѣднее звено, соединявшее Россію Александровскую съ Петровскою—черезъ ломку сената; 5) что, не смотря на ввѣренный ему обширный кругъ дѣлъ, онъ старался еще болѣе его расширить и покушался проникнуть въ дипломатическія тайны, употребляя для того во зло вліяніе свое на нѣкоторыхъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ; 6) что онъ готовъ былъ, чтобы только не встрѣчать никакихъ болѣе препонъ своимъ замысламъ и своему властолюбію, пожертвовать даже личными своими чувствами и соединиться съ прежними извѣстными своими врагами Армфельдомъ и Балашовымъ".

Для объясненія послѣдняго пункта надо сказать, что министръ полиціи Балашовъ, бывшій, дѣйствительно, въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ государственнымъ секретаремъ, передалъ черезъ общихъ знакомыхъ, что желаетъ съ нимъ помириться. Для этого было условлено свиданіе. Явиться на него Сперанскій не могъ и послалъ записку съ извиненіемъ. Ею и воспользовался Балашовъ, какъ доказательствомъ таинственныхъ свиданій съ Сперанскимъ съ цѣлью уличить его въ заговорѣ [1]).

Но про измѣну не было сказано ни слова! Слишкомъ ясна и чиста была, въ этомъ отношеніи, жизнь Сперанскаго, чтобы, лицомъ къ лицу, можно было выставить противъ него такое позорное обвиненіе. Предательству хотѣли дать вѣру и при томъ лишь для народа. Правительство переживало тяжелое время. Наполеонъ—надвигался. Раскрытіе измѣны русскаго сановника «могло» усилить чувство «патріотизма» въ обществѣ и народѣ. Въ народѣ, дѣйствительно, былъ упорный слухъ объ измѣнѣ, который правительство

[1]) Ссылка Сперанскаго въ 1812 г. стр. 8. Изъ бумагъ акад. А. Ѳ. Бычкова. Р. ст. Апрѣль 1902 г.

намѣренно не опровергало цѣной тяжкой непростительной жертвы. И вотъ подробности ея принесенія.

Однажды Сперанскій обѣдалъ у своихъ близкихъ знакомыхъ. Вдругъ докладываютъ, что дворцовый фельдъегерь привезъ приказъ явиться немедленно къ государю. Это случалось не разъ. Сперанскій, заѣхавъ за дѣлами домой, прибылъ въ пріемную дворца, гдѣ ожидали аудіенціи еще два сановника. Первымъ однако былъ принятъ Сперанскій. 1½ часа продолжалась таинственная и роковая бѣсѣда, о которой неохотно разсказывалъ Сперанскій, даже любимой дочери, и, обыкновенно, отдѣлывался неопредѣленными, общими фразами.

По окончаніи бесѣды, дверь кабинета отворилась. На порогѣ стоялъ блѣдный, подавленный «первый министръ». Нервная дрожь пробѣгала по стройной, изящной фигурѣ. Руки, отличавшіяся необыкновенной красотой, судорожно мяли портфель... Сперанскій нашелъ шляпу и, говорятъ, началъ укладывать её въ портфель... Съ нимъ какъ будто сдѣлалось даже дурно. Однако министръ быстро овладѣлъ собой.

Черезъ нѣсколько мгновеній показался въ дверяхъ кабинета самъ Александръ I, не менѣе взволнованный, со слѣдами слезъ на лицѣ, внятно и печально промолвилъ: «еще разъ прощайте Михайло Михайловичъ!..

Въ это же самое время подпольные дѣятели разыгравшейся драмы Балашовъ, министръ полиціи и агентъ ея де-Сангленъ ожидали Сперанскаго на его квартирѣ, чтобы по возвращеніи изъ дворца отправить хозяина въ ссылку. И, поджидая, обмѣнялись, между прочимъ, такими фразами, хорошо характеризующими эпоху и систему правленія:

— «Что если Сперанскій оправдается и въ ссылку отправимся мы»? сказалъ де-Сангленъ.

— «Признаюсь! эта мысль тревожила и меня, пока я былъ одинъ. Чего добраго! Ни на что полагаться нельзя»!—былъ отвѣтъ Балашева.

Де-Сангленъ разсказываетъ, что Александръ засмѣялся, когда онъ передалъ ему этотъ эпизодъ.

Вдругъ, подъ окнами застучала карета. Черезъ нѣсколько мгновеній, въ передней показался Сперанскій, овладѣвшій собой настолько, что его незванные гости, по признанію самого де-Сангдена, казались провинившимися школьниками [1]).

Прошло нѣсколько часовъ. Сперанскій, перекрестивъ дверь комнаты, гдѣ спала его дочь, уже мчался съ полицейскимъ приставомъ Шипулинскимъ на мѣсто своей ссылки въ Нижній-Новгородъ.

Когда дочь Сперанскаго, спустя нѣкоторое время, ѣхала къ отцу въ Нижній, то на каждой станціи въ окно кареты заглядывали толпы любопытныхъ и она слышала, какъ вмѣстѣ съ дорогимъ ей именемъ, явственно произносили ужасное слово: «измѣнникъ»!

Не смотря на слухи, циркулировавшіе во всѣхъ слояхъ русскаго общества объ измѣнѣ Сперанскаго, о чемъ мы читали многія свидѣтельства у современниковъ, его неожиданная ссылка поразила всѣхъ какъ громомъ. И, кажется, больше всего ту среду, изъ которой вышла интрига. Никто не могъ ожидать, чтобы императоръ Александръ, постоянно говорившій и писавшій, что законъ стоитъ выше его власти, могъ безъ слѣдствія и суда отправить въ ссылку выдающагося государственнаго дѣятеля и человѣка весьма ему близкаго.

Членъ государственнаго совѣта Н. С. Мордвиновъ подалъ въ отставку, а адмиралъ Л. С. Шишковъ «усѣлся дома, дабы не показывать себя любопытствующимъ».

[1]) Записки де-Санглена, Л. И., 1812.

Когда же, спустя нѣсколько дней, государь потребовалъ его къ себѣ и Шишковъ стоялъ въ секретарской, къ нему подошелъ статсъ-секретарь П. С. Молчановъ и спросилъ его, зачѣмъ онъ здѣсь?

— Не знаю,—отвѣчалъ Шишковъ,—государь за мною присылалъ.

— Какъ!—вскричалъ онъ,—государь за тобою присылалъ? О! Такъ я отъ тебя скорѣе уйду.

Таковымъ было впечатлѣніе отъ высылки Сперанскаго на лицъ, стоявшихъ ближе другихъ къ трону, впечатлѣніе «необычайное, наводившее нѣкій страхъ», (по словамъ того же Шишкова)...

Толпа же праздновала его (Сперанскаго) опалу, какъ первую побѣду надъ французами...

Нѣкоторые, передъ высылкой Сперанскаго, особенно расчитывали на такое впечатлѣніе для подъема бодрости и національнаго воодушевленія. А другіе, быть можетъ, въ то же время думали объ измѣнѣ Сперанскаго, увлеченнаго французскими порядками.

Недолго оставался Сперанскій въ Нижнемъ, гдѣ съ нимъ почтительно обращались, но не выпускали изъ квартиры безъ негласнаго надзора, особенно, послѣ слуха, что на жизнь его готовится покушеніе. Однажды, донесли въ Петербургъ, будто сосланный, на обѣдѣ у губернатора, говорилъ архіерею, что духовенству Наполеона бояться нечего, такъ какъ онъ церквей не разрушаетъ.

Вскорѣ послѣ этого, а можетъ быть и поэтому Сперанскаго внезапно ссылаютъ въ Пермь.

Опять полицейскій чиновникъ, ямщицкая тройка и полторы тысячи верстъ ужаснаго пути, по физическимъ и нравственнымъ мукамъ. Въ перспективѣ сибирская тайга, почти тюремная жизнь безъ копѣйки денегъ, безъ книгъ, безъ родныхъ, безъ дѣлъ, безпред-

мѣтность наказанія и что еще ужаснѣе неопредѣленный срокъ его продолжительности! По пріѣздѣ въ Пермь, для удовлетворенія насущныхъ потребностей, приходилось закладывать ордена. Это случилось 23-го сентября 1812 года. Ссылка въ Пермь приподнимаетъ завѣсу надъ уголкомъ тогдашней административной жизни. Свѣдѣнія о ней появились недавно съ гораздо большими подробностями, чѣмъ у біографа Сперанскаго.

«Начальникомъ губерніи въ то время былъ Богданъ Андреевичъ Гермесъ, который въ управленіи губерніей никакого участія не принималъ. Важнѣйшія дѣла рѣшали чиновники канцеляріи, а дѣлами мелкими вѣдала Анна Ивановна, супруга губернатора. По прибытіи Сперанскаго въ Пермь, никто не зналъ, лишенъ ли онъ правъ, сосланъ ли безъ лишенія чиновъ и орденовъ, словомъ вопросъ этотъ поставилъ всѣхъ втупикъ. На выручку чиновному міру, да и всему пермскому обществу, явилась Анна Ивановна. Основываясь на томъ, что Гермесу предписано было: «имѣть Сперанскаго подъ строгимъ присмотромъ», Анна Ивановна распорядилась поставить въ квартиру Сперанскаго двухъ будочниковъ, а городничему Грену и двумъ приставамъ приказала во всякое время дня и ночи являться въ квартиру Сперанскаго и послѣ каждаго такого посѣщенія рапортовать губернатору о всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Нашлись, однако, люди, которые спросили однажды Анну Ивановну, съ какою цѣлью наряжаются будочники. «Такъ себѣ,—отвѣчала губернаторша,—пускай г. временщикъ при видѣ караульныхъ пойметъ конецъ своей роли».

Съ первыхъ же дней, по пріѣздѣ, Сперанскій посѣтилъ многихъ представителей города. Чиновники, убоясь гнѣва Анны Ивановны, не отвѣтили Сперанскому приличіемъ вѣжливости; ихъ примѣру послѣдо-

валъ и архіерей Іустинъ. Не устрашился никого одинъ только соликамскій игуменъ Иннокентій, жившій въ Перми, какъ преподаватель духовной семинаріи: самъ бывалъ у Сперанскаго и къ себѣ принималъ его.

Впослѣдствіи къ Иннокентію присоединились еще купецъ Смышляевъ и Поповъ, хозяинъ дома, въ которомъ жилъ Сперанскій. Эти три лица пользовались постоянной дружбой Сперанскаго. Иннокентій, какъ монахъ, въ свѣтскія дѣла не вмѣшивался; Смышляевъ, какъ богатый человѣкъ, пользовался независимымъ положеніемъ; Попову и терять было нечего: онъ разорился въ пухъ и совершеннымъ бѣднякомъ кое-какъ влачилъ свое существованіе. Смышляева Сперанскій не забывалъ до самой смерти. Въ ссылкѣ у Сперанскаго были трудныя минуты жизни; въ одну такую трудную пору Смышляевъ ссудилъ 5 тыс. рублей безъ залога и безъ процентовъ.

Анна Ивановна продолжала свирѣпствовать; войдя во вкусъ, она не переставала безпокоить «врага отчизны», какъ величала она Сперанскаго.

По ея наущенію, мальчишки при встрѣчѣ со Сперанскимъ кричали: «измѣнникъ! измѣнникъ!». Разсказываютъ даже, что за эти возгласы Анна Ивановна раздавала мальчикамъ разныя лакомства.

Одинъ изъ чиновниковъ, поощряемый губернаторшей, въ пьяномъ видѣ передъ окнами квартиры Сперанскаго постоянно оралъ: «На рѣкахъ вавилонскихъ»...

Сближеніе игумена со Сперанскимъ смущало многихъ. «Напрасно вы, отецъ,—говаривали ему знакомые,—сближаетесь съ изгнанникомъ. Бѣды наживете». На всѣ подобныя предостереженія Иннокентій обыкновенно отвѣчалъ: «А мнѣ, монаху, нѣтъ дѣла до политики. Вижу къ себѣ вниманіе Михаила Михаиловича и

обязанностью христіанина почитаю воздавать ему за честь честью».

Тѣмъ временемъ Анна Ивановна дошла, наконецъ, до такихъ безобразій по отношенію къ Сперанскому, что серьезно напугала друзей Гермеса. Какъ бы всѣмъ не досталось!

Для разъясненія томившихъ недоразумѣній посовѣтовали Гермесу спросить у министра полиціи Балашева, какъ разумѣть личныя права сосланнаго Сперанскаго. Балашевъ не замедлилъ отвѣтить коротко и ясно: «Разумѣть сосланнаго государственнаго секретаря, какъ тайнаго совѣтника».

Отвѣтъ министра полиціи какъ громомъ поразилъ всѣхъ; смущеніе властей дошло до крайности. Приставленные къ Сперанскому будочники и самъ городничій Гренъ куда-то быстро исчезли. Положеніе Богдана Андреевича какъ ни было смѣшно, однако онъ не растерялся. Въ первый же торжественный праздникъ Гермесъ со свитой изъ чиновниковъ въ полной парадной формѣ отправился на поклонъ къ Сперанскому.

«На поздравленіе наше,—говоритъ одинъ изъ участвовавшихъ лицъ въ церемоніи,—тайный совѣтникъ, едва приподнявшись со стула, отвѣтилъ легкимъ наклоненіемъ головы. Тутъ только поняли мы наши грѣхи противъ него! Чувство стыда смѣшалось въ насъ съ чувствомъ страха. Визитъ былъ непродолжительнымъ. Откланявшись, мы уѣхали по домамъ и послѣ долго не заводили рѣчи про настоящій урокъ. Впослѣдствіи Михаилъ Михаиловичъ никому не высказывалъ своего неудовольствія, напротивъ весьма любезно принималъ участіе въ общественныхъ собраніяхъ».

19-го сентября 1814 года Сперанскій собирался выѣхать изъ Перми въ Новгородскую губернію (свое имѣнье сельцо Великополье).

Носились слухи, что Сперанскій вернется ко двору. Мѣстныя власти сильно побаивались за свои грѣшки противъ Сперанскаго. Чтобы загладить свою вину, въ день отъѣзда, 19-го сентября, собралось все губернское начальство пожелать благопріятнаго пути отъѣзжающему. У заставы Сперанскій благодарилъ всѣхъ за добрыя пожеланія и за оказанную честь; затѣмъ, взявъ руку Иннокентія, сказалъ: «Прощайте, добрѣйшій отецъ Иннокентій! Если я буду когда либо счастливъ, и вы будете счастливы» [1]).

Черезъ 12 лѣтъ игуменъ Иннокентій неожиданно получилъ мѣсто настоятеля въ Псковскомъ монастырѣ, потомъ переведенъ былъ викарнымъ въ Москву, а затѣмъ получилъ Архіепископство на Волыни.

Изъ Перми Сперанскій послалъ свое знаменитое по благородству и простотѣ пермское письмо къ императору, гдѣ онъ излагаетъ свой политическій символъ и оспариваетъ обвиненія, на него взведенныя [2]). Въ заключеніи письма ссыльный проситъ отъ государя «одной только милости—свободы и забвенія».

Онъ поселится съ дочерью въ своемъ Новгородскомъ имѣніи с. Великопольѣ, скоротаетъ горестный вѣкъ вдали отъ людей, сдѣлавшихъ ему столько зла и милостью будетъ для него, если забудутъ про его существованіе.

---

[1]) Историческій вѣстникъ. Сперанскій въ Перми. Май 1892 г.

[2]) Въ письмѣ изъ Перми онъ говоритъ, между прочимъ, что связанъ былъ не своей тайной, а тайной государя. Эта тайна—конституція.

IV.

Сперанскій — губернаторъ и генералъ-губернаторъ.

IV.

Сперанскій—губернаторъ и генералъ-губернаторъ.

Была ли написана Сперанскимъ просьба государю о забвеніи въ порывѣ отчаянія, среди дикой глуши и невѣжественнаго общества, подъ завываніе сибирской вьюги, или онъ сознательно, въ тотъ моментъ, пришелъ къ заключенію, что его земная миссія на пользу родины кончена—мы знаемъ одно, судьба никогда не предоставила ему возможности изъ «полуустройства» сдѣлать задуманное «устройство» Россіи и возвыситься опять до степени «перваго министра».

Тѣмъ не менѣе, во второй половинѣ своей дѣятельности, по возвращеніи изъ ссылки, онъ совершилъ столь грандіозное дѣло для отечества, что исторія признаетъ Сперанскаго кодификатора русскихъ законовъ выше Сперанскаго реформатора.

Но прежде, ему пришлось много вынести горя и, путемъ обиднаго по формѣ искуса, выстрадать свою славу.

Вернемся къ разсказу.

Французы были побѣждены. Наполеонъ въ заточеніи. Александръ въ ореолѣ освободителя Европы. А его великій сотрудникъ томился на далекомъ сѣверѣ, сопутствуемый таинственностью не обнаруженныхъ и никогда несовершенныхъ преступленій.

Наконецъ, объ узникѣ вспомнили. Въ отвѣтъ на письмо, пришло въ Пермь долго жданное и горячо желанное разрѣшеніе жить въ новгородскомъ имѣніи сельцѣ Великопольи, по сосѣдству съ мрачной *грузин-*

ской обителью Аракчеева, начавшаго прибирать къ своимъ жестокимъ рукамъ управленіе, отъ котораго, какъ недавно еще говорили среди мѣстнаго населенія Грузина, «земля стонала».

Это имя стоитъ на перепутьи нашего разсказа. Имъ не разъ укоряли Сперанскаго, рѣшившагося обратиться къ временщику съ «ласкательными письмами».

Мы не повторимъ этого укора, хотя не справедливо о немъ промолчать. «Ласкательныя», т. е. по просту любезныя письма—фактъ.

Выслушайте и судите.

Покорный судьбѣ и покойный на видъ для окружающихъ великопольскій опальный глубоко страдалъ истерзанный несчастіями и униженіемъ. Это однако полгоря. Горе и въ томъ, что обезчещенный—отецъ. Какъ дать дочери въ приданое имя, проклинаемое русскимъ народомъ?

Какой же выходъ? Единственный: доказать правоту. Но какъ? Ожидать въ забвеніи нелицепріятнаго суда исторіи? Краснорѣчивый отвѣтъ: императорскій исторіографъ Карамзинъ, не понявшій Сперанскаго. Весьма любопытно, услышавъ о катастрофѣ государственнаго секретаря, Карамзинъ разсказывалъ И. В. Лопухину: Сперанскаго повезли-де въ цѣпяхъ, въ Березовъ, подъ охраной кавалерійскаго конвоя. Долго разсуждая о происшествіи, онъ закончилъ: «je pense que cela doit finir par l'échafaud».

Просить у государя формальнаго суда? Сперанскій прежде всего это дѣлаетъ. Но виновники событія хорошо знали, что застѣнокъ не найдетъ за нимъ и тѣни вины. А какъ же оправдать наказаніе, столь ужасное и столь несправедливое?

Вотъ, повидимому, единственный выходъ! Назначеніе на службу: вѣдь измѣнниковъ не назначаютъ.

Враги умолкнутъ. Но это зависѣло почти всецѣло отъ Аракчеева, который былъ для Сперанскаго сослуживцемъ [1]). Конечно, обращеніе съ письмами къ Аракчееву возбуждаетъ тѣмъ болѣе досады и грусти чѣмъ темнѣе имя послѣдняго. Еще Пушкинъ называлъ Сперанскаго и Аракчеева геніями добра и зла царствованія императора Александра I. Какъ бы то ни было, Сперанскій назначается пензенскимъ губернаторомъ, но въ рескриптѣ, рукой Аракчеева внесены оскорбительныя слова: назначеніе есть способъ «усердной службою очистить себя въ полной мѣрѣ» отъ подозрѣній. Хотя въ томъ же рескриптѣ сказано, что императоръ не нашелъ убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ!

Послѣ назначенія Сперанскаго губернаторомъ въ Пензу (Указъ Сенату 30-го августа 1816 г.), онъ пишетъ [2]) графу В. П. Кочубею: «При самомъ отбытіи вашемъ изъ Петербурга, письмомъ къ его величеству и въ особенности къ графу Аракчееву [3]) я просилъ суда и рѣшенія. Всѣ опасности сего поступка я принималъ на свой страхъ, а непріятелямъ моимъ представлялъ всѣ способы поправить ошибку самымъ благовиднымъ способомъ. На случай одной крайности я присовокуплялъ къ сему другое средство: службу; изъ

---

[1]) Хотя Аракчеевъ и увѣрялъ, что онъ остался расположеннымъ къ Сперанскому и послѣ ссылки, но хлопоталъ за Сперанскаго, чтобы досадить своему недругу Балашову, главному пособнику интриги. Какъ соперникъ власти Сперанскій не былъ уже страшенъ фавориту. Аракчеевъ понималъ, какъ и другіе современники, что ссылка реформатора разъяснитъ русскому обществу, которое такъ боялось конституціи, что ею конституція ликвидирована de facto; хотя de idea Александръ не прочь былъ поговорить о конституціи и позднѣе.

[2]) Сперанскій въ Великопольѣ и Пензѣ. Р. Ст. 1902 г. 7—9. 51 стр. и сл.

[3]) Изъ Великополья.

двухъ однако же именно выбрали худшее, *и меня, ни оправданнаго, ни обвиненнаго послали оправдываться и вмѣстѣ управлять правыми.*

Назначеніе несказанно удивило всѣхъ; хотя и говорили, что губернаторское мѣсто, послѣ управленія Россіей—всетаки униженіе. Начали понимать, что причина паденія—интрига, могущая по замѣчанію Рунича, современника Сперанскаго, вполнѣ разъяснится лишь черезъ сто лѣтъ [1]). Руничъ прибавилъ даже по этому поводу: «секретныя дѣйствія неограниченнаго правительства лишаютъ исторію возможности освѣтить факты, въ высокой степени любопытные. Не имѣя положительныхъ данныхъ, она даетъ волю предположеніямъ и въ концѣ концовъ замѣняетъ истину баснями или клеветой». Столѣтіе приблизилось и мы съ достаточной степенью приближенія къ истинѣ можемъ говорить о причинахъ ссылки Сперанскаго.

Въ Пензѣ новый губернаторъ снискалъ всеобщее уваженіе. Это былъ необычайный губернаторъ, къ которому министры обращались за совѣтами по важнѣйшимъ дѣламъ имперіи, какъ, напримѣръ, даже министръ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ *Голицынъ*. Къ характеристикѣ политическихъ воззрѣній Сперанскаго этой эпохи надо замѣтить, какъ видно изъ переписки съ сановниками, что онъ всё еще думалъ объ окончаніи, о настоятельной необходимости хотя бы главнѣйшихъ реформъ. Говоримъ объ этомъ потому, что, оффиціозный біографъ Сперанскаго, баронъ Корфъ оттѣняетъ отрезвляющее дѣйствіе ссылки на стремленіе къ реформамъ. Такъ, напр., Сперанскій писалъ Кочубею:

«Доколѣ новаго учрежденія или устава объ управленіи губерній не будетъ, доколѣ губерніи будутъ

[1]) Записки Рунича. Русская старина 1901 г., апрѣль.

состоять въ настоящемъ инвалидномъ положеніи, дотолѣ, можно рѣшительно сказать, духъ народный и общее нравственное образованіе не только не пойдутъ впередъ, но отъ одного года къ другому будутъ отставать назадъ» [1]). Вѣроятно, сановниковъ, вродѣ Голицына, не покидала мысль, что звѣзда Сперанскаго померкла временно. Такая мысль вскорѣ какъ бы подтвердилась. Изъ Пензы милостивымъ указомъ Сперанскій назначается генералъ-губернаторомъ обширнѣйшаго Сибирскаго края. Онъ уѣхалъ напутствуемый благодарностью пензяковъ, въ ту самую Пермь, которая была для него «мѣстомъ страданій, училищемъ терпѣнія и покорности» [2]). Но какая судьба! Ссыльный возвратился владыкою края съ особыми, громадными полномочіями. Какъ ни рвался Сперанскій заѣхать въ Петербургъ, ему повелѣно было отправиться прямо къ мѣсту новаго служенія и оставаться тамъ для упорядоченія сибирскихъ дѣлъ не менѣе 1½ года. Какъ видите, былъ даже назначенъ срокъ, чтобы отдалить пріѣздъ Сперанскаго въ столицу. Задача новаго сибирскаго администратора была не изъ легкихъ.

Прежде упорядоченія текущихъ дѣлъ и возможныхъ улучшеній, приходилось бороться съ язвой Сибири—взяточничествомъ и безграничнымъ произволомъ властей.

Рѣдкій изъ губернаторовъ, начиная съ казненнаго Петромъ I князя Гагарина, оставилъ Сибирь, не подвергнувшись суду, удаленію, отрѣшенію [3]).

---

[1]) Письмо 18 ок. 1818 г. изъ Пензы къ Кочубею. Сперанскій въ Великопольѣ и Пензѣ. Р. Ст. 1902 г. 7—9. 54 стр.

[2]) См. объ этомъ письма М. М. Сперанскаго къ его дочери. Русскій архивъ 1868 г.

[3]) См. записки Лебедева. Русскій архивъ 1900, 1212 стр. к. III.

Предшественникъ Сперанскаго Пестель и его правая рука губернаторъ Трескинъ не избѣжали этого. Да и было за что. Пестель смотрѣлъ сквозь пальцы на злоупотребленія, тѣмъ болѣе, что управлялъ Сибирью изъ Петербурга. Это дало поводъ извѣстному остряку того времени А. Л. Нарышкину, безъ улыбки, посовѣтовать императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, страдавшей глазной болью, обратиться къ Пестелю, имѣющему чудесные очки (онъ, дѣйствительно, всегда носилъ очки), подобныхъ которымъ нѣтъ ни у кого въ мірѣ. Императрица, не подозрѣвая злого намека, послала попросить у Пестеля очковъ и, уже, поглядѣвъ на нихъ, догадалась, въ чемъ состоитъ особенный фокусъ ихъ, расхваленный Нарышкинымъ: сибирскій генералъ губернаторъ видѣлъ изъ Петербурга все, что дѣлалось въ Сибири [1]).

А въ Сибири дѣлалось то, что можетъ казаться лишь вымысломъ.

Обездоленный край кишѣлъ административными насильниками, которыхъ дѣянія можно уподобить развѣ злодѣйствамъ опричины.

Почитать о нихъ,—ужасъ беретъ. Слѣдователи устраивали застѣнокъ, вводили пытки, доходившія до неимовѣрныхъ звѣрствъ. Такъ, напр., кол. сов. Крыловъ, командированный изъ Петербурга для разслѣдованія злоупотребленій по откупамъ, собралъ отрядъ изъ 77 человѣкъ, врывался въ дома подозрѣваемыхъ, заковывалъ ихъ, по своему усмотрѣнію, въ кандалы, дома опечатывалъ и выгонялъ оттуда жильцовъ. Допрашивая, кровянилъ лица, билъ тростью, кулаками и, такъ какъ обладалъ громадной силой,—билъ

THE PRODIGY

---

[1]) Разсказано кн. А. Н. Голицынымъ. Русская старина. Январь 1902. См. письма Корфа къ ак. Бычкову.

до потери сознанія. Иркутскій купецъ Бичевкинъ не хотѣлъ признать себя виновнымъ. Его вздернули на дыбу, растянули суставы рукъ и ногъ, а спина покрылась зіяющими ранами: кнутъ вырывалъ куски мяса... Для присутствія при пыткахъ нарочно приглашались семьи [1]).

Наказанія слѣдовали раньше осужденія. Таковъ былъ судъ. А уѣздные администраторы, а губернаторы? Они представляли для Сибири ту болѣзнь, которую можно уподобить раку. Излеченіе ея возможно лишь операціей. Ее и произвелъ Сперанскій.

Вотъ классическій примѣръ взяточничества.

У Агнессы Ѳедоровны, супруги губернатора Трескина, бурята каждый годъ покупали за 10000 руб. асс. одинъ и тотъ же мѣхъ!

Не было недостатка въ поразительныхъ случаяхъ самоуправства, произвола и безнаказанности. Такъ напр., городничій города Енисейска Куколевскій, въ одно прекрасное утро, запрегъ своихъ подчиненныхъ въ экипажъ и торжественно прослѣдовалъ на нихъ по улицѣ города, къ немалому удивленію жителей, которые вскорѣ узнали, что смыслъ этого тріумфальнаго шествія тотъ, что везшіе осмѣлились подать губернатору жалобу на своего начальника [2]).

Сперанскій былъ освѣдомленъ относительно творившагося въ Сибири. Дошли до него слухи и о подвигахъ нѣкоего исправника Лоскутова. Лоскутовъ обливалъ голыхъ людей на морозѣ и дѣлалъ изъ нихъ статуи. Съ собаками охотился на бѣглыхъ. Широко пользовался пытками. Словомъ, былъ настоящимъ маленькимъ «бичемъ божіимъ».

---

[1]) Пудовиковъ. Дѣятельность Сперанскаго въ Сибири. 1901 г. С.-Петербургскія вѣдомости. № 241.

[2]) Пудовиковъ. ib, ср. также Андріевичъ. Сибирь въ 19 столѣтіи, 1, 2 ч.

Медленно подвигался новый генералъ-губернаторъ, направляясь къ своей сибирской резиденціи. На границѣ уѣзда, ввѣреннаго упомянутому исправнику, его встрѣтилъ самъ Лоскутовъ и почтительно доложилъ: «квартира для вашего сіятельства готова».

— Для тебя то я сіять не буду,—строго отвѣтилъ Сперанскій и отправился ночевать на станцію, не желая пользоваться его услугами.

Лоскутовъ предвидѣлъ, что на него будутъ жалобы и распорядился отобрать у населенія перья и чернила.

Предосторожность не помогла. Жалобы были выслушаны.

Когда Сперанскій объявилъ Лоскутова отрѣшеннымъ отъ должности, къ ногамъ генералъ-губернатора бросился изъ толпы сѣдой старикъ и крикнулъ: «батюшка, что же ты дѣлаешь? Вѣдь ты не знаешь, что это Лоскутовъ»....

Такъ загипнотизировалъ населеніе исправникъ: что же думать о лицахъ, имѣвшихъ больше власти знавшихъ и смотрѣвшихъ сквозь пальцы на эти беззаконія и злодѣйства?

Населеніе привыкло въ начальствѣ, а не въ законѣ видѣть вершителей своихъ земныхъ судебъ. Законъ былъ заслоненъ произволомъ или, вѣрнѣе, для Сибири закона еще не было.

Сперанскій являлся, быть можетъ, единственнымъ человѣкомъ, всецѣло понимавшимъ вопіющее зло отъ такого положенія дѣлъ и умѣвшаго помочь дѣлу. Онъ понималъ, что, прежде созданія ясныхъ и опредѣленныхъ законовъ, которые бы сковали волю администраціи, необходимо было начать реформу съ удаленія неисправныхъ администраторовъ. Потомъ, замѣнивъ ихъ болѣе надежными лицами, думать о назрѣвшихъ преобразованіяхъ.

Вотъ почему дѣятельность Сперанскаго, открывающая для Сибири новую эру, была троякой: 1) искорененіе злоупотребленій и кара виновныхъ, 2) установленіе временнаго сноснаго порядка и 3) планъ реформы Сибирскаго края, для чего былъ учрежденъ въ Петербургѣ Сибирскій комитетъ. Блистательно исполнивъ менѣе чѣмъ въ 2 года первые двѣ части программы, Сперанскій собралъ для этого комитета громадный матеріалъ. Къ сожалѣнію, идея сибирской реформы 1822 г., говоритъ одинъ современный изслѣдователь (Прутченко. Сибирскія окраины. Областныя установленія, связанныя съ Сибирскимъ учрежденіемъ 1822 г.), стоявшая въ уровень съ самыми глубокими теоретическими воззрѣніями той эпохи на задачи государственнаго управленія, отвѣчавшая и лучшимъ стремленіямъ выдающихся государственныхъ дѣятелей того времени— водвореніе законности въ строѣ сибирскаго управленія— оказалась едва ли проведенной въ жизнь. Текстъ сибирскаго учрежденія едва ли соизмѣримъ съ руководившей возникновеніемъ этого законодательнаго акта идеей.

Труды Сперанскаго для Сибири отмѣчаются дѣловитостью и большимъ политическимъ умомъ. Не даромъ Аракчеевъ говорилъ, что если бы у него была одна треть ума Сперанскаго, онъ былъ бы великимъ человѣкомъ.

Дѣятельность новаго генералъ-губернатора поражаетъ также своими размѣрами, слишкомъ значительными и для великаго человѣка. Онъ внесъ прежде всего новые методы въ генералъ-губернаторское управленіе.

Сперанскій отличался доступностью, умѣньемъ подойти къ дѣлу непосредственно, а не чрезъ вороха донесеній, отношеній и прочей бумажной безполезности, заѣдавшей и заѣдающей Россію. Поэтому Спе-

ранскій не жилъ на одномъ мѣстѣ, а кочевалъ. Онъ жилъ не какъ генералъ-губернаторъ, но какъ дѣятельный главнокомандующій, постоянно передвигаясь и находясь въ томъ мѣстѣ края, гдѣ въ данный моментъ его присутствіе всего нужнѣе. Можно представить удобства такой жизни при первобытныхъ способахъ передвиженій того времени.

Русская исторія отмѣчаетъ значеніе дѣятельности Сперанскаго для Сибири тѣмъ, что дѣлитъ исторію Сибири на два періода: Сибирь до Сперанскаго и Сибирь послѣ него.

V.

Сперанскій—кодификаторъ законовъ.

V.

Сперанскій—кодификаторъ законовъ.

Свершивъ сибирскій подвигъ, Сперанскій, послѣ долгой переписки, получилъ разрѣшеніе ѣхать въ столицу. Вечеромъ, 21 марта 1821 года, онъ увидѣлъ, наконецъ, предметъ своихъ постоянныхъ стремленій—Петербургъ. Моментъ этотъ намѣренно оттягивался для него правительствомъ. Очевидно, Александру I хотѣлось какъ можно болѣе отдалить свиданіе съ былымъ сотрудникомъ. Это свиданіе состоялось много времени спустя, по прибытіи Сперанскаго въ столицу. Оно было мимолетно, коротко, холодно.

Сперанскій никогда уже не достигъ прежняго значенія въ дѣлахъ управленія. Однако, въ царствованіе Николая I, онъ призванъ совершить третій и послѣдній свой подвигъ: создать изъ разсыпанной храмины русскихъ законовъ стройное, систематическое законодательное зданіе, въ которомъ, не смотря на существенныя его недостатки и позднѣйшія передѣлки, мы обитаемъ и до настоящаго времени.

Уже вскорѣ послѣ Сперанскаго въ сводъ въ видѣ законовъ стали вноситься статьи по мысли кодификатора, не заключавшія въ себѣ ни приказа, ни запрета, имѣвшія только объясняющее значеніе. Кодификаторомъ онѣ помѣщались въ примѣчаніяхъ. Затѣмъ, шаткое различіе между закономъ и указомъ, которое пытались конструировать русскіе государствовѣды, при старомъ режимѣ, внесеніе административныхъ распоряженій и пр., имѣли своимъ слѣдствіемъ, что сводъ законовъ въ послѣднемъ полномъ изданіи (1857) разросся, по сравненію съ первымъ изданіемъ,

при Сперанскомъ, вдвое [1]): ибо въ немъ находили себѣ мѣсто не только законы, въ собственномъ смыслѣ.

Судебныя реформы Александра II и введеніе земскихъ учрежденій повели образованіе новаго XVI тома, такъ какъ матеріалъ и система Свода не давали возможности, безъ насильственнаго разрыва, разнести по отдѣльнымъ томамъ законодательство 60-хъ годовъ.

Наконецъ, провозглашеніе конституціоннаго акта 17 октября 1905 года и законодательство, которое могло бы развиваться въ соотвѣтствіи съ этимъ актомъ, представитъ и уже отчасти представляетъ затрудненія для размѣщенія ихъ въ сводѣ, напр., законы о собраніяхъ, союзахъ и пр..

Но обратимся къ эпохѣ Сперанскаго.

Чтобы понять значеніе кодификаціи для Россіи необходимо вспомнить, какой хаосъ царствовалъ въ русскихъ законахъ, какъ пользовались имъ корыстолюбивые судьи и какъ тягостно была судебная волокита, столь прославившаяся еще въ московскую Русь.

Картина хожденія по судамъ, написанная для московской Руси, устарѣла лишь по формѣ, но не по сюжету. Замѣните только дьяковъ и подъячихъ судьями и повытчиками. Вотъ она: «итти тебѣ къ дьяку Василію Сычину. Пришедши въ хоромы, не входи, прежде развѣдай: веселъ ли дьякъ и тогда войди. Побей челомъ крѣпко и грамотку отдай. Приметъ дьякъ грамотку прилежно, то дай ему три рубля. Да и пообѣщай еще, а куръ, пива и ветчины самому дьяку не отдавай, а стряпухѣ. Сходи къ подъячему Степкѣ. Понеси ему три алтына денегъ, рыбы сушеной да вина, ибо онъ Степка жаждующая рожа и пьяная [2]). По свидѣтель-

---

[1]) Съ 42.000 въ 90.000 статей.

[2]) Исторія Соловьев. т. 9, 455 стр.

ству многихъ современниковъ ябедничество процвѣтало и въ описываемую эпоху [1]).

Населеніе, обращаясь къ суду и тогда, какъ и во время Сперанскаго, не только не знало точно законовъ, по которымъ будутъ обсуживаться ихъ дѣла, но и не могло знать. Едва ли знали ихъ и судьи по причинамъ, открыто высказаннымъ императоромъ Александромъ I еще въ указѣ сенату отъ 5 іюня 1801 г., гдѣ говорится о законодательномъ мракѣ, облежащемъ равно судью и подсудимаго. Я не знаю, писалъ около 20 лѣтъ назадъ Сперанскій,—въ «Запискѣ объ устройствѣ судебныхъ и правительственныхъ учрежденій въ Россіи (1803 г.)»,—извѣстно ли правительству, *что въ сенатѣ нѣтъ книгъ законныхъ и что во всѣхъ губерніяхъ* судьба людей и имуществъ рѣшается по письменнымъ тетрадямъ, содержащимъ въ себѣ самыя безобразныя и невѣрныя выписки законовъ [2]).

Чтобы побудить судей, находящихся въ такомъ «беззаконномъ положеніи», къ безпристрастію, давно существовало правило, по которому судьи за каждую въ высшей инстанціи отмѣну ихъ рѣшенія подвергались штрафу отъ 5 до 10 процентовъ исковой суммы. Губернскія судебныя учрежденія, какъ апелляціонная инстанція, присуждали къ штрафамъ въ подобныхъ случаяхъ членовъ уѣздныхъ и надворныхъ судовъ, какъ суда первой инстанціи, а сенатъ, въ свою очередь, какъ третья инстанція, присуждалъ къ штрафамъ членовъ губернскихъ судебныхъ палатъ, въ концѣ концовъ все это падало на самыхъ тяжущихся [3]).

---

[1]) См. у Дмитріева—«Взглядъ на мою жизнь». 1866 г.

[2]) См. «Записку 1803 г.»—Уставъ канцелярскаго обряда.

[3]) Записки бар. Густава Андреевича Розенкамфа. Пер. П. Майкова, стр. 394. Р. Ст. Ноябрь 1904 г.

Съ Петра великаго до Николая назначались 10 законодательныхъ коммиссій, не приведшихъ ни къ какимъ результатамъ [1]). Имъ предлагалось то сочинять новые законы, то систематизировать старые. Николай остановился на послѣднемъ. Завѣдываніе законодательнымъ дѣломъ было поручено Балугьянскому, но въ видѣ лишь контрольной инстанціи, по политическимъ соображеніямъ. Душою, главнымъ распорядителемъ и руководителемъ кодификаціи былъ и оставался Сперанскій.

Много труда и волненій пришлось ему пережить. Помощники не могли справиться даже съ своей второстепенной задачей. Сперанскому приходилось не только составлять новые законы, но и самому редактировать каждую статью сборниковъ. За массой дѣла,—въ первомъ полномъ собраніи законовъ накопился матеріалъ въ 45 томахъ, а въ сводѣ въ 15,—Сперанскій иногда изнемогалъ подъ тяжестью работы и пропускалъ курьезныя ошибки.

Такъ, однажды, членъ коммиссіи для пересмотра Свода, приготовленнаго къ печати, Челищевъ замѣтилъ, что въ первыхъ параграфахъ основныхъ законовъ пропущено слово «самодержавіе», о которомъ совершенно не упоминалось для характеристики власти русскаго императора.

Когда Сперанскому доложили о происшедшей ошибкѣ, то онъ пріѣхалъ лично благодарить Челищева

---

[1]) Объ упраздненіи предпослѣдней коммиссіи, учрежденной по проэкту Густава Андреевича Розенкамфа (послѣдняя, замѣнившая ее, имѣла своимъ директоромъ Сперанскаго), авторъ ея говоритъ, что «по революціонерному принципу, которому вполнѣ предался Сперанскій, не должно было ничего остаться отъ стараго порядка вещей и еще менѣе отъ моего метода и направленія моего руководства работами.

за услугу, избавившую всѣхъ отъ многихъ непріятностей [1]).

Самъ Сперанскій въ періодъ своей реформаторской дѣятельности до паденія, называлъ русскіе законы варварскими, безполезными и говорилъ, что все нужно передѣлать заново. Александръ, до нѣкоторой степени, подтвердилъ это мнѣніе въ своемъ указѣ Сенату. Но императоръ Николай, относительно кодификаціи, сталъ на ту точку зрѣнія, что нужно не сочинять законы, а лишь собрать старые и, такъ сказать, пересортировать ихъ. Этой какъ бы архивной работой и занялся Сперанскій.

[1]) Журн. гражд. и угол. права 1884, 9—10. Вотъ этотъ эпизодъ:

Сообщено Муравьевымъ А. Н. въ письмѣ къ Погодину (Русск. Архивъ за 1871 г. стр. 1946 — 1948) исторія крупной и въ высшей степени важной ошибки, вкравшейся было въ отечеств. основные законы и исправленной своевременно лишь благодаря счастливой случайности.

Дѣло въ томъ, что членъ комм., учрежденной по мысли Сперанскаго, для предварительнаго пересмотра приготовленныхъ къ печати статей свода, къ величайшему своему изумленію замѣтилъ, что въ самыхъ начальныхъ §§, опредѣляющихъ отношеніе верховной власти къ дѣламъ вѣры и церкви и къ управленію государствомъ, нѣтъ ни единаго слова о самодержавной власти всероссійскаго императора... Челищевъ тихо доложилъ о замѣченномъ имъ столь важномъ пропускѣ предсѣдателю означенной ком. кн. Лобанову. День спустя Сперанскій, къ немалому удивленію Челищева, пріѣхалъ къ послѣднему благодарить за дружескую услугу. «Посудите сами, оправдывался Сперанскій, могу ли я отвѣчать за каждаго писаря? И вотъ что со мной сдѣлали: въ самыхъ первыхъ §§ свода законовъ вѣтренные писаря пропустили слово «самодержавіе». Признаюсь, мнѣ и въ голову не могла придти такая сплошность и я бѣгло прочиталъ эти начальные параграфы потому собственно, что они не подлежали никакому измѣненію, да и не я одинъ, всѣ проглядѣли, такъ что если бы не ваше вниманіе, то они могли бы въ этомъ видѣ появиться и въ печати и какая непріятность была бы тогда для всѣхъ».

Отсюда главный біографъ Сперанскаго Корфъ [1]), а затѣмъ и другіе [2]) указывали на переломъ, происшедшій въ убѣжденіяхъ Сперанскаго. Онъ взялся за работу, противорѣчившую мнѣнію, высказанному имъ въ первый періодъ дѣятельности.

«Прежній Сперанскій умеръ. Новый Сперанскій поставилъ себѣ задачей уже не ломку всего прежняго и дѣйствующаго, а живое, разумное его воспроизведеніе» [3]).

Такое утвержденіе является необоснованнымъ. Неужели непосредственное знакомство Сперанскаго съ русской дѣйствительностью въ бытность пензенскимъ губернаторомъ и сибирскимъ генералъ-губернаторомъ могло открыть ему, «что все дѣйствующее въ Россіи заслуживаетъ «живого и разумнаго воспроизведенія»? Неужели ссылка для Сперанскаго явилась неотразимымъ argumentum baculinum, убѣдившимъ, что реформы, задуманныя имъ и незначительной частью предназначенныя къ исполненію—ошибка?

Новѣйшіе изслѣдователи документально показали по отношенію къ нѣкоторымъ частямъ свода, что Сперанскій не могъ и не ограничился одной сортировкой тѣхъ законовъ, которые онъ назвалъ когда-то безполезными, ибо какъ ни сортируй уже отработанный, обветшавшій матеріалъ, онъ не обратится въ драгоцѣнные перлы. Живое и разумное воспроизведеніе все таки не—политическая алхимія. Сперанскій старался вводить въ сводъ новые законы и вводилъ ихъ. Слѣдовательно, кодификаторская дѣятельность Сперанскаго не даетъ основанія думать объ измѣненіи убѣжденій Сперанскаго. Объ этомъ же свидѣтельствуютъ и другіе источники, по

---

[1]) 154 стр. Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. Винаверъ.

[2]) Напр. Пудовиковъ, op. cit.

[3]) Корфъ, op. cit. ib.

которымъ можно судить объ образѣ мыслей Сперанскаго послѣ ссылки. Напр., «О системѣ гражданскаго управленія» [1]), «О подзаконности верховной власти» и пр...

Таково было о немъ мнѣніе и многихъ современниковъ. Мы не имѣемъ фактовъ, указывающихъ на измѣненіе убѣжденій Сперанскаго. Императоръ Николай, поручая не ему, а Балугьянскому дѣло кодификаціи, сказалъ: «смотри, чтобы Сперанскій не надѣлалъ такихъ же проказъ, какъ въ 1810 г., ты у меня будешь въ отвѣтѣ». Для человѣка, отрѣшившагося отъ прежнихъ своихъ убѣжденій, такое предупрежденіе было бы излишнимъ.

«Вотъ почему самое большее и самое справедливое, что можно сказать о Сперанскомъ, то, что «образъ дѣйствій его опредѣлялся при такихъ условіяхъ самъ собою. Открыто двигать эту «грубую толщу», какъ онъ называлъ своихъ современниковъ, онъ не могъ, не подвергая себя явной опасности» [2]), но не только себя, скажемъ мы, а и свое столь важное дѣло. Уже одна настойчивость, съ которой Сперанскій хлопоталъ объ изданіи новыхъ законовъ, о введеніи ихъ сначала въ полное собраніе, а потомъ въ сводъ показываетъ, что онъ не подпалъ подъ обаяніе теоріи, «воспроизведенія стараго». Сводъ, насколько возможно было, по условіямъ времени, обновилъ не только форму законовъ, но и отчасти ихъ содержаніе. Когда составленіе Свода законовъ закончилось, Сперанскій, въ трехъ положеніяхъ, формулировалъ значеніе, которое могъ имѣть этотъ законодательный сборникъ: а) признать статьи свода единственнымъ основаніемъ въ рѣшеніи, такъ, чтобы текстъ законовъ служилъ только доказательствомъ источниковъ, изъ коихъ старые соста-

---

[1]) 1827 г.

2) Винаверъ, М. М. Къ вопросу объ источникахъ X. т. Свода Законовъ. Ж. М. Юстиціи. Октябрь, 1894 г.

влены, но не былъ бы самъ собою въ дѣлахъ употребляемъ; б) признать статьи свода закономъ, но не единственнымъ и не исключительнымъ, а дѣйствующимъ въ тѣхъ только случаяхъ, гдѣ нѣтъ сомнѣнія ни въ существованіи закона, ни въ смыслѣ его, какъ же скоро предстоитъ сіе сомнѣніе, то прибѣгать къ самому тексту закона и разрѣшать предпочтительно по сему тексту; в) признать прежній текстъ закона единственнымъ и исключительнымъ основаніемъ рѣшенія, и статьи Свода считать только средствомъ совѣщательнымъ къ пріисканію ихъ и познанію законовъ. Государственный Совѣтъ, въ общемъ собраніи подъ предсѣдательствомъ Николая I, 19 генваря 1833 г., разсмотрѣвъ положенія Сперанскаго, постановилъ: издать сводъ въ видѣ законовъ, коими въ рѣшеніяхъ исключительно руководствоваться должно. Сперанскій защищалъ второе положеніе, опасаясь нарушить права частныхъ лицъ, если въ Сводѣ сдѣланы пропуски. Совѣтъ, быть можетъ, сталъ бы на эту точку зрѣнія, если бы императоръ не положилъ резолюціи на журналѣ Совѣта, въ смыслѣ сдѣланнаго затѣмъ постановленія, приведеннаго выше [1]).

---

[1]) 2-ое П. С. З. № 5947. Резолюція эта гласила:—Журналъ составленъ совершенно правильно, согласно моимъ намѣреніямъ, въ совѣтѣ изложеннымъ. Сводъ разсылается нынѣ же, какъ *положительный законъ* (здѣсь и ниже курсивъ подлинника), котораго исключительное дѣйствіе *начнется съ 1 января 1835 г.* Руководствоваться онымъ *нынѣ же* дозволяется *только* въ томъ случаѣ, что подъ каждой статьею означены *всѣ* законы, которые до каждаго предмета касаются и которые по нынѣшней формѣ судопроизводства *всѣ* въ приговорѣ или опредѣленію прописаны быть должны, но отнюдь не выписывая *собственной статьи свода*, котораго законная сила начинается съ 1835 г. Въ журналѣ общаго собранія государственнаго совѣта эти положенія Сперанскаго были выражены иначе и къ нимъ прибавлено 4-ое. При различной (менѣе ясной) редакціи въ первыхъ трехъ положеніяхъ журнала замѣчается полная тождественность содержанія съ положеніями Сперанскаго. Въ журналѣ положенія редак-

Значеніе кодификаціи можно выразить такими словами, говорящими за себя. Россія въ первый разъ получила законы, систематизированные, и, по сравненію съ прежними, болѣе точные, ясные и удобные къ пользованію.

Знаки ордена Андрея Первозваннаго, пожалованіе графскаго титула—были внѣшней наградой для Сперанскаго [1]). Россія получила учрежденія и законы,

---

тированы такъ: 1. Признать ли статьи свода единственнымъ основаніемъ въ рѣшеніи, такъ чтобы текстъ законовъ служилъ только доказательствомъ источниковъ, изъ коихъ статьи составлены, но не былъ бы самъ собою въ дѣлахъ употребляемъ.

2. Признать ли статьи свода закономъ дѣйствующимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ постановить, чтобы въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ можно было обращаться къ самому тексту закона и въ немъ искать разрѣшенія.

3. Признать ли прежній текстъ закона единственнымъ и исключительнымъ основаніемъ рѣшенія, а статьи свода считать ли только средствомъ совѣщательнымъ къ пріисканію ихъ смысла.

4. Признать ли въ теченіе нѣкотораго опредѣленнаго времени текстъ закона основаніемъ къ рѣшенію, какъ онъ познается и нынѣ, но въ то же время постановить, чтобы вмѣстѣ съ нимъ приводимы были статьи закона имъ соотвѣтствующія.

[1]) Говоримъ внѣшней, потому что самъ Сперанскій придавалъ чинамъ и орденамъ внѣшнее значеніе: «Не разумомъ, но силою воображенія дѣйствуетъ и владычествуетъ ими (т. е. предметами народнаго уваженія) правительство на страсти народныя. Для сего установлены между прочимъ чины и почести. Доколѣ сила воображенія поддерживаетъ ихъ въ надлежащей высотѣ дотолѣ они сопровождаются уваженіемъ. Но какъ скоро по стеченію обстоятельствъ сила сія ихъ оставитъ, такъ скоро и уваженіе исчезаетъ. Чины и почести въ семъ положеніи могутъ быть еще лестны, но въ одномъ только томъ отношеніи, что они служатъ знаками довѣрія или милости; внутренняя же ихъ очаровательная сила, впечатлѣніе на народъ, мало-по-малу изглаживается и пропадаетъ.

Введеніе къ уложенію государственныхъ Законовъ 1809 г. (Планъ всеобщаго государственнаго образованія). Отд. 2. Перемѣна въ предметахъ народнаго уваженія.

безъ которыхъ не могло быть и рѣчи о первомъ и необходимомъ условіи цивилизаціи и культуры—насажденіи и укрѣпленіи въ правительствѣ и народѣ законности. Сознаніе исполненнаго важнаго историческаго труда—вотъ внутренняя, неотъемлемая награда, которой не можетъ забыть исторія.

У юриста имя Сперанскаго должно быть окружено уваженіемъ. Онъ первый позаботился о созданіи русской школы ученыхъ юристовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Неволинъ [1]).

---

[1]) Сперанскій говорилъ, что практическое изученіе русской юриспруденціи можетъ быть поставлено правильно лишь тогда, когда будетъ составлена общая книга законовъ. Онъ предложилъ, на этомъ основаніи, закрыть школу правовѣдѣнія, которая дополняла университетское образованіе практическими свѣдѣніями. Заслуга Сперанскаго передъ русской юридической наукой отмѣчена установленіемъ преміи за лучшее сочиненіе по отечественному праву.

Предложеніемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 26 февраля 1908 г., за № 4706, юридическому факультету Императорскаго Юрьевскаго университета предоставлено присужденіе преміи графа Сперанскаго 1 января 1910 г.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 9 февраля 1879 года Положенія о преміи графа Сперанскаго (Сбор. уз. и расп. Прав. 1879 г. № 33 ст. 178), капиталъ имени графа Сперанскаго имѣетъ назначеніемъ содѣйствовать развитію литературы по отечественному праву увѣнчаніемъ лучшаго изъ вновь выходящихъ этого рода сочиненій поощрительными наградами (§ 2).

VI.

Заключеніе.

VI.

Заключеніе.

Окидывая умственнымъ взоромъ жизнь реформатора, находимъ, что это жизнь человѣка громаднаго ума, благороднаго сердца и неутомимаго труда.

Онъ глубоко мыслилъ, горячо чувствовалъ, много страдалъ и много любилъ. Его жизнь лучится мягкимъ, непрерывнымъ свѣтомъ—безсмертными заслугами предъ русской государственностью, какъ неугасимый огонь на жертвенникѣ родинѣ?

Почести, заслуженныя Сперанскимъ, не возгордили его [1]), перенесенные страданія не озлобили его. Своимъ личнымъ, семейнымъ и общественнымъ невзгодамъ онъ находилъ цѣленіе въ государственной работѣ, неотдѣлимой отъ главнаго содержанія его жизни. Излишняя терпимость къ врагамъ, если она можетъ быть излишней необычайная мягкость его характера вызвали даже нареканія на Сперанскаго въ угодливости. Въ характерѣ Сперанскаго была дѣйствительно чарующая мягкость, накладывавшая свой отпечатокъ на отношенія его къ людямъ. Въ немъ видится намъ что-то пуританское, но безъ обычной суровости, замкнутости и самоувѣренности «избранника божія», отличающихъ дѣятелей эпохи Кромвеля. Чистота жизни, упорный трудъ, вѣрность семейному долгу, любовь къ чтенію въ трудныя и свободныя минуты жизни книгъ Новаго Завѣта,—таковы черты, характеризующія «пуританизмъ» реформатора.

---

[1]) Есть нѣсколько фактовъ, указывающихъ, что Сперанскій вельможа не чуждался даже простыхъ людей, съ которыми велъ знакомство при началѣ карьеры.

Даже у мелкихъ общественныхъ дѣятелей есть враги и завистники, но враги великаго Сперанскаго были врагами реформатора, а не человѣка. Какъ человѣкъ, онъ умѣлъ терпѣть обиды, прощать, но не дѣлать ихъ.

«Misereor super turbas»,—вотъ все, что выражаетъ отношеніе его къ обидамъ, нанесеннымъ ему, во время паденія, со стороны различныхъ общественныхъ слоевъ. Историческое лицо, при оцѣнкѣ, нельзя отрывать отъ общественной среды, въ которой протекала его дѣятельность. Мы видѣли эту среду. Мы знаемъ силу сопротивленія, проявленную обществомъ. Надо представить себѣ эту преданность идеѣ обновленія отечества и сознаніе жертвъ, принесенныхъ во имя его, чтобы оцѣнить дѣятельность великаго государственнаго человѣка. Надо представить себѣ козни приверженцевъ стараго порядка, или просто недоброжелателей въ родѣ Розенкамфа, называвшаго планы Сперанскаго «colossol verworene Ansichten», дабы понять, что уже одна небольшая побѣда, учрежденіе государственнаго совѣта, характеризуется Сперанскимъ, какъ безмѣрный шагъ въ сторону отъ самовластія.

На самомъ дѣлѣ удалось лишь создать учрежденіе, не какъ плотину произволу, но какъ политическую форму, исполняющую тѣ же функціи, что и сама, прежде безбрежная, соединенная съ одной волей замѣстителя престола, абсолютная власть. Мы уже говорили, что философско-правовой идеей реформаторскихъ замысловъ, одухотворявшей ихъ автора, была дифференціація власти, въ видѣ трехъ ея функцій: законодательной, исполнительной и судебной, проникавшей бы до самыхъ народныхъ низинъ и основанной по возможности на выборномъ началѣ.

Сперанскій совершенно справедливо полагалъ, что система учрежденій, организованная, согласно съ вы-

шеуказаннымъ принципомъ, можетъ быть лучшимъ проводникомъ идеи законности—жизненнаго нерва государства. Большая часть задуманнаго плана не пошла далѣе страницъ сочиненій Сперанскаго. Судьба тѣсно сплела этотъ планъ, какъ часто бываетъ у великихъ людей, съ его личной судьбой. Нежеланіе Александра I реформъ повело къ тому, что императоръ не искалъ, по окончаніи войны съ Наполеономъ, замѣстителя Сперанскому для преобразованій. «Прощенный» задерживается вдали, какъ напоминаніе когда-то предположенному ограниченію самовластія [1]). Если измѣнились вгзляды Александра, то взгляды Сперанскаго остались прежними. Послѣ сибирской реформы, остатокъ жизни [2]) онъ посвящаетъ осуществленію той же самой идеи законности, въ той формѣ, въ какой было возможно. Онъ создаетъ кодексы русскихъ законовъ.... Русская кодификація, принадлежащая неутомимымъ трудамъ реформатора, «явленіе безпримѣрное», [3]) не имѣвшее мѣста, въ такомъ объемѣ, въ другихъ государствахъ.

Ею мы обязаны дѣятельности человѣка, къ которому вполнѣ примѣнимы слова бывшаго профессора и затѣмъ папы Адріана VI: «*какъ много зависитъ отъ того, въ какое время приходится жить и лучшему че-*

---

[1]) Изъ перелюстрированнаго письма С—аго къ Александру (изъ Нижняго) видно, что самъ С—ій считалъ *главной и единственной* причиной своего паденія составленіе конституціи. Въ бумагахъ ак. Бычкова найдено и мнѣніе Корфа по этому поводу: Александръ пожертвовалъ Сперанскимъ, чтобы очистить себя предъ общественнымъ мнѣніемъ, что—де одинъ Сперанскій, виновенъ въ конституціи и вслѣдствіе неожиданнаго разоблаченія его замысловъ, сосланъ. Слуховъ самыхъ нелѣпыхъ не опровергали. Вотъ почему пріѣздъ С—о въ Петерб. и свиданіе съ нимъ было нежелательнымъ и отдалялось.

[2]) Сперанскій умеръ въ 1839 г.

[3]) Выраженіе профес. Н. М. Коркунова.

ловпку» [1]). Намъ кажется, что этого не принимаютъ достаточно во вниманіе при оцѣнкѣ дѣятельности Сперанскаго. Его дѣлаютъ даже «отцомъ» русской бюрократіи! [2]) Справедливо-ли? Справедливо-ли обвинять полководца, по вѣрному плану котораго воины должны были служить службу родинѣ, а вмѣсто того, вслѣдствіе отозванія его, получили возможность заниматься дѣлами по своему усмотрѣнію?

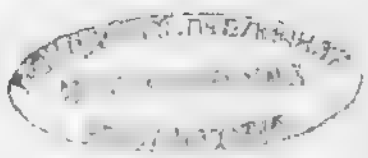
Ссылка Сперанскаго не то же ли отозваніе? Оно не только пресѣкло реформу,—организовывавшую правовое государство,—но изуродовало ее. Какъ же обвинять Сперанскаго? Кто вчитывался въ его Планъ государственнаго преобразованія, легко замѣтитъ, какое значеніе придавалъ реформаторъ самодѣятельности и, какъ условію для нея, закону о самоуправленіи?

Дѣло Сперанскаго пресѣклось, но не погибло. Великій преобразователь XVIII в. съ такими жертвами прорубилъ окно въ *культурную* Европу, реформаторъ XIX ст. за попытку прорубить окно въ *политическую* Европу также принесъ свою жертву. Она легка въ сравненіи съ жертвами предковъ и потомковъ... Не пошли *путемъ*, предуказаннымъ сто лѣтъ назадъ, минуя «воспаленіе страстей и крайности обстоятельствъ», какъ совѣтовалъ Сперанскій, къ реформѣ приступили теперь, сто лѣтъ спустя,—fata viam invenient.

---

[1]) Слова вырѣзаны на памятникѣ Адріана VI.

[2]) «Ставъ отцомъ русской бюрократіи М. М. Сперанскій, не сдѣлалъ, конечно, ничего, чтобы создать благопріятныя условія для воспитанія въ русскомъ обществѣ сознательной воли къ внутреннему самоопредѣленію». Стр. 254. «Итоги XVIII вѣка въ Россіи» А. Лютшъ. Русскій абсолютизмъ XVIII вѣка. 1910 г.



ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

К. Н. Ярошъ. Двадцатипятилѣтніе итоги его научно-литературной дѣятельности. 1901 г.

Очеркъ характеристики развитія научно-философскихъ воззрѣній Б. Н. Чичерина. 1902 г.

Идея личности въ политико-философскихъ сочиненіяхъ Д. И. Каченовскаго. 1903 г.

Развитіе индивидуализма въ исторіи политическихъ ученій. Очеркъ введенія и главнѣйшая библіографія. 1904 г.

Индивидуалистическое направленіе въ исторіи философіи государства. Идея политическаго индивида. Часть 1-ая. 1904 г.

Индивидуалистическое направленіе въ исторіи философіи государства. Идея политическаго индивида. Часть 2-я. 1907 г.

Рѣчь передъ диспутомъ. (Отдѣльные оттиски изъ „Записокъ Императорскаго Харьковскаго Университета“ за 1908 г.).

Исторія общихъ ученій о правѣ и государствѣ. 1908 г. Вып. I-й (вышло изъ продажи).

Изданіе 2-ое того-же сочиненія. 1909 г.

Къ ученію о существѣ права. Харьковъ 1909 г.

Исторія общихъ ученій о правѣ и государствѣ. 1909 г. Вып. II-й.